

№ 103

ДЕЛО ТРУДА

DIELO TROUDA

— ОРГАН —
ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ 1938 г.	„Dielo Trouda", 45 West, 17th Street, New York, N. Y.	14-й год издания

СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЕ
РУССКОЙ АНАРХИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ

(От „Народного Дела" до „Дела Труда")
1868 — 1938.

В 1868 году, первого сентября, заграницей, в Женеве, М. А. Бакунин и Н. И. Жуковский выпустили первый русский анархический журнал **„Народное Дело"**. Однако после выпуска первого номера Бакунин вынужден был уйти из редакции и уступить журнал Н. Утину, скоро обратившегося в его злейшего врага и клеветника. Таким образом, попытка издания журнала оказалась неудачной и журнал попал в руки Утина, перестал быть анархическим, несмотря на то, что Н. И. Жуковский продолжал оставаться в нем, ибо, как заявляет Бакунин, „все статьи в „Народном Деле" писались почти исключительно г-ном Утиным".

История возникновения этого журнала, по словам Бакунина, такова:

„Жуковский задумал и предложил мне издавать вместе с ним русский журнал. Он страстно предался этому предприятию. Не было денег, он достал денег: один русский знакомый, которого я назову г-н X, дал ему тысячу рублей на издание журнала.

„Признаюсь, что я долго не поддавался на предложение Жуковского. Я был исключительно занят интернациональною пропагандою, боялся что издание русского журнала займет у меня слишком много времени; к тому-же, с Россиею не имел более никаких сообщений, а с другой стороны, наученный опытом Герцена, опасался слишком близкого соприкосновения с русскою эмиграционною грязью, в которой злостно-клеветливое празднословие и сплетни заступают место великого дела. Однако горячее упорство Жуковского победило мою неохоту. Мы решились издавать вместе „Народное Дело" („Интриги г-на Утина", „Голос Труженика", январь 1925, № 3, Чикаго).

В „Докладе об Альянсе" Бакунин раскрывает имя „г-на X" — это „муж г-жи Левашевой", которая сыграла решающую роль в уходе Бакунина из журнала „Народное Дело".

Бакунин рассказывает об этом следующее:

„Г-жа Левашева, которая возгорела безумной страстью к Утину, хотела непременно, чтобы последний принял участие в редакции журнала. Между нами и Утиным было абсолютное несходство, — ни идей, ибо собственно Утин никогда не имел никаких идей и говорил, что мы должны принять принципы, какие русская молодежь найдет нужным в нас влить, — было абсолютное несходство характеров, темпераментов, целей. Мы хотели само дело, Утин заботился только о себе. Я долго противился всякому союзу с Утиным. Наконец, я устал и уступил; и после короткого опыта, так как деньги были собственно г-жи Левашовой, я оставил Утину журнал вместе с его названием". („Доклад об Альянсе", Избранные сочинения, т. 5,

стр. 141; Петербург—Москва, 1921).

Уйдя из журнала, Бакунин публично отмежевался от него: „касательно всех следующих номеров, я должен об'явить, что я не принимал и не могу принимать в них участия, так как я не согласен ни с содержанием, ни с формою их". („Наука и насущное революционное дело", прим. на первой странице. 1870).

Так печально закончилась первая попытка издания первого русского анархического журнала.

Но как бы там не было, мы должны быть благодарны Н. И. Жуковскому, благодаря упорной настойчивости которого Бакунин был привлечен к изданию „Народного Дела", ибо первым номером этого журнала было положено начало не только русской анархической печати, но и русскому анархическому движению. В „Народном Деле", впервые на русском языке, была сформулирована анархическая программа — первая русская революционно-анархическая программа (приводим ее ниже), которая легла в основу замечательного движения 70-х годов и продолжает оставться до сих пор краеугольным камнем анархического революционного движения вообще. Журнал наметил отрицательное отношение к реформам и поднял знамя социальной революции; установил роль и значение науки вообще и отношение современной науки при современных государственно-капиталистических условиях к народу.

„В первом номере „Народного Дела", говорит Бакунин, единственном в котором я участвовал и который, почти исключительно, принадлежал мне, я старался определить отношение, какое имеет, **в Настоящее время,** наука к народу. ...Я старался и, кажется, успел доказать, что как ни огромно значение науки в после-революционном будущем для народа, в настоящее время, т. е. до той революции, которая должна поставить его на ноги и дать ему действительную возможность учиться, она решительно для него не имеет ни малейшего смысла, просто для него недоступна и ему ненужна; что правительство, слишком хорошо понимающее государственные интересы, живой и освобожденной науки до него не допустить; мертвая-же или подтасованная наука, имеющая единственною целью провести в народ целую систему ложных представлений и понятий, была бы для него положительно пагубна, заразила бы его нашим официально- общественным ядом, и, во всяком случае, отвлекла бы его хоть на малое время от единственно ныне полезного и спасительного дела — от бунта. ...Люди, толкующие в настоящей среде и при настоящих условиях об образовании народном, или пустые мечтатели и фразеры, или, что еще хуже, всенародные надуватели, эксплоататоры, просто враги". („Наука и насущное революционное дело", стр. 1; 1870 г.) Так, двумя годами позже, Бакунин излагает содержание своей статьи: „Постановка революционных вопросов (Статья первая: наука и народ)", напечатанной в первом номере „Народного Дела". Нет сомнения, что эта статья в значительной мере определила тактику революционно-анархического народничества 70-х годов. Кроме того, первый номер „Народного Дела" является первым резким и решительным отмежеванием на русской почве анархиста Бакунина от Бакунина революционного демократа, автора „Романов, Пугачев или Пестель".

***

Прошло семь лет после выхода первого номера „Народного Дела", пока появился второй анархический орган печати — газета „Работник", тоже в Женеве, которая издавалась бакунистами. З. Ралли, Гольдштейном и Эльсницем. Газета предназначалась исключительно для пропаганды среди рабочих и просуществовала более года. „Работник" перестал выходить в 1876 году. Через два года после прекращения выхода „Работника" стал выходить журнал „Община". Этот журнал являлся преемником „Работника", но в то время как „Работник" имел популярно-пропагандистский характер и был рассчитан на рабочего читателя, „Община", наоборот, носила теоретический характер и посвящала свои страницы разработке и освещению теоретических и тактических вопросов движения. В редакцию журнала входили: З. Ралли, Н. И. Жуковский, Д. М. Клеменец, П. Б. Аксельрод и С. Кравчинский (Степняк). „Община" выходила об'емистыми тетрадями в течении всего 1878 года: вышло 9 номеров, и вполне отражала русское революционное движение второй половины 70-х годов, землевольческое движение. „Община" была последним периодическим органом анархической печати, (не считая одного номера „Черного Передела"), выходившим за пределами России в прошлом столетии.

***

Неуклонно нароставшее революционное движение с каждым годом все меньше и меньше могло обслуживаться издававшимися заграницей газетами и журналами — „Работником" и „Общиною". Ощущалась настойчивая потребность в печатном органе, который издавался бы движением в самой России. И вот, десять лет спустя после выхода „Народного Дела", в России впервые появилось вольное бесцензурное печатное слово, анархическое слово: в марте 1878 г. вышла в свет газета **„Начало"**, орган русских революционеров. Газета выходила нелегально с марта по май вклю-

чительно; вышло четыре выпуска. Редакция газеты имела в виду „об'единить все фракции тогдашнего революционного движения, обслуживать все движение в целом. „Не желая придавать газете „Начало" характер фракционного издания, редакция ее будет, читаем мы в передовой первого номера, весьма естественно, так или иначе проявлять свою индивидуальность; поэтому мы считаем уместным в первом же номере газеты высказать в кратких словах свои воззрения на сущность социально-революционной деятельности в России". Эта индивидуальность и эти воззрения, как мы можем видеть из ниже приводимых программных выдержек из этой статьи, в полном смысле слова анархические, бакунинские.

Появление революционного печатного слова в России приветствовалось русскими революционерами-эмигрантами: бывшими издателями газеты „Работник" и редакторами выходившей в это время „Общины". Н. И. Жуковский в своей статье-брошюре „Реформы и Революция", приветствовал выход „Начала" в таких теплых выражениях:

„В стенах Петербурга появился социально-революционный журнал „Начало". Он зовет всех на борьбу с врагом, который, надев маску благодателя, будет попрежнему эксплуатировать народ.

Привет вам, товарищи! Не выпускайте из рук знамени, на защиту которого соберутся все, умеющие сохранить в себе чистоту революционного бескорыстия, и отдадутся делу подготовления великой борьбы народной, которая даст труженику Землю и Волю. — Освободятся народы, стиснутые во всероссийском остроге, сложат вольную федерацию своих общин и и вступят в братский союз со всеми рабочими всех стран".

На смену газете „Начало" 25 октября 1878 г. появился первый номер подпольного ежемесячного журнала **„Земля и Воля"**, социально-революционное обозрение. „Земли и Воли" вышло пять номеров и шесть номеров „Листков Земли и Воли", первый номер которых был выпущен 12 марта 1879 г., а последний 14 июня этого же года.

Редакция первого номера „Земли и Воли" открыто говорит, что ее попытка издания вольного бесцензурного слова в России не является первой, что „честь почина на этом поприще принадлежит нашим товарищам, издателям газеты „Начало", и что „Земля и Воля" есть продолжение этой попытки. Издание журнала в России, а не заграницей, редакция об'ясняет тем, что „удаленная от центров деятельности, оторванная от родной почвы, заграничная русская печать уже не может удовлетворять потребностям и запросам нашей партии", поэтому, „предоставляя заграничному печатанию статьи большего об'ема и чисто научную разработку интересующих нас вопросов, мы выступаем тут с повременным изданием, главная задача которого — отвечать на запросы текущей жизни".

В каком же духе, в каком направлении журнал собирается отвечать на запросы текущей жизни? Как свидетельствует программная статья первого номера, журнал собирается давать ответы в том же самом духе, как и газета „Начало", т. е. в духе бакунинского анархизма.

„Земля и Воля" сыграла огромную роль, подобную которой нельзя найти в истории русского революционного движения.

В августе 1879 г. общество „Земля и Воля" раскололось на „Народную Волю" и „Черный Передел". Единству движения был нанесен смертельный удар. Раскол положил начало политическому авторитарному социализму, который возглавлялся партией „Народной Воли" и журналом того же названия. Анархическое движение, сильно подорванное расколом, стало возглавляться груп. „Черный Передел" и журналом того же названия. Первый номер „Черного Передела", орган социалистов-федералистов, вышел 15 января 1880 г., а последний в декабре 1881 г. Всего вышло пять номеров, при чем второй номер был выпущен заграницей. Редакция „Черного Передела" заявила, что ее программа вытекает из редакционных статей „Земли и Воли" и журнал будет продолжать линию журнала и общества „Земли и Воля". Однако чернопередельческая группа долго не устояла на анархической почве и почти вся, во главе с Плехановым, перешла в лагерь диктаторского и политического социализма К. Маркса.

* * *

С прекращением выхода „Черного Передела" русский анархизм остался без своего печатного органа и продолжал оставаться без него в течении всех оставшихся лет 19-го столетия. Только в начале 20-го столетия вновь появился заграницей печатный орган русского анархизма. Честь возраждения анархической периодической печати принадлежит покойному тов. Гогелия (К. Оргеиани, он-же Илиашвили), который, в 1903 г., начал издавать в Женеве журнал „Хлеб и Воля", приостановившийся в 1905 г., в связи с революцией в России.

Революция 1905 г. создала в России краткую политическую весну.

Однако эта весна была слишком краткой, чтобы возрадившееся анархическое движение могло собраться с силами и приступить к изданию своих газет и журналов. Попытка нежинской группы поставить типографию и начать издавать журнал „Бунтарь" не увенчалась успехом: типография

была раскрыта полицией и „Бунтарь" не увидел света в России. Печатная деятельность русских анархистов, поэтому была перенесена заграницу: только „Новый Мир", если не ошибаюсь, выходил в России. Остальные журналы 1905 года, как „Безначалие" (апрель 1905, Женева), „Черное Знамя" (декабрь 1905), выходили заграницей и не были долговечны.

После подавления революции не могло быть и речи об издании в России анархических газет и журналов. Эта деятельность, как и в семидесятые годы, была целиком перенесена заграницу.

В 1906 году в Лондоне, под редакцией Кропоткина, было восстановлено издание журнала „Хлеб и Воля" под именем „Листки „Хлеб и Воля", которые приостановились в 1907 году. В 1906 г. появился в Париже и первый номер „Бунтаря", который выходил в 1908 и 1909 г., как листок. С 1907 г. по 1909 г. выходил „Анархист": по одному номеру каждый год. С 1907 г. по 1910 г. выходил „Буревестник" под редакцией М. Раевского и А. Гроссмана. С 1912 по 1913 г. в Цюрихе выходил „Рабочий Мир"; в 1914 — 1915 — „Набат", в 1915 — „Рабочее Знамя", а с 1912 по 1917 г. в Нью Иорке выходила газета „Голос Труда", которая во время революции была переведена сперва в Петроград, а потом в Москву.

***

Революция 1917—21 годов впервые дала возможность русским анархистам иметь свои печатные органы и анархисты широко воспользовались этой возможностью. На протяжении этих трех лет, в разное время и в разных местах страны, издавались разными анархическими группами ежедневные, еженедельные, двухнедельные и месячные газеты и журналы в числе 101 названия: в 1917 г. — 18, в 1918 — 47, в 1919 — 27, в 1920 — 13 и в 1921 — 6. За 1917 — 21 годы русскими анархистами было выпущено свыше 2-х миллионов экземпляров газет и журналов и большое количество книг и брошюр: одно анархо-синдикалистское книгоиздательство „Голос Труда" издало около 192,000 и приблизительно такое же количество остальные группы. Что касается листовок, то их трудно учесть, но я нисколько не преувеличу, если обозначу их число в один миллион. Вся эта деятельность была низведена нанет большевиками, которые создали положение сходное с временами Николая I. В 1922-3 годах еще выходили два ничтожных анархических журнальчика, в 1925 — один, который очень скоро был закрыт властями. И с тех пор по настоящее время в России не выходил, и не может выходить, никакой анархический журнал или газета, книга или брошюра.

Прочитай и другому передай!

***

Приступая к изданию подпольного журнала „Земля и Воля" в 1878 году, редакция в передовой статье, принадлежащей С. Кравчинскому (С. Степняк), следующим образом характеризовала положение печати в России:

„...Свободное слово считается одним из самых страшных преступлений... За вольное печатание без разрешения властей у нас карают сильнее, нежели за отцеубийство.

Не только мы, писатели и издатели нашего журнала, но даже и ты, читатель, взявший в руки наш листок из любопытства и не снесший его в участок только по естественной брезгливости относительно подобных операций, — уже преступник: ты **попуститель** или **укрыватель.**

Если же ты, в порыве негодования, снесешь листок к приятелю, чтобы показать ему, какую мерзость пишут нигилисты, — ты уже **распространитель,** и горе тебе, если суд не признает смягчающих обстоятельств!"

Это было 60 лет тому назад... А теперь?

Теперь характеристика александровского режима, данная Кравчинским 60 лет тому назад, является слишком слабой для большевистского режима, который перещеголял все известные в истории реакционные режимы. Перед большевистским режимом бледнеет даже режим Николая I.

Если в эпоху Николая I. и Александра II. печать была в наморднике и оковах, то при большевиках она совершенно задушена; если, не взирая на все ухищрения царской реакции, Россия могла породить Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Салтыкова-Щедрина, Михайловского и целую плеяду революционно-настроенных народнических писателей, то современная Россия, большевистская Россия, может порождать, и порождает, только Катковых и Булгариных; если в проклятую эпоху царизма, преодолевая все препоны, преграды и рогатки, все же появились независимые писатели, отказавшиеся лизать руки самодержца и отстаивавшие свое и человеческое достоинство и достоинство литературы и прессы: Пушкины, Лермонтовы, Достоевские, Тургеневы, Некрасовы, Толстые и проч., имя им легион, то в современной России могут процветать только одни елизаветинские одописцы и Тредьяковские, которых может бить по морде вельможная большевистская длань; если, невзирая на все ужасы полицейщины, в подлое прошлое имелась возможность, правда, сопряженная с риском попасть в тюрьму, в ссылку или в каторжные работы на рудники, для вольного, бесцензурного печатного слова, то теперь в России даже эта возможность исключена совершенно, а если иногда представится

такая возможность, то всякий воспользовавшийся ею немедленно будет схвачен и расстрелян; если в различные периоды царизма могла существовать легально умеренная оппозиционная печать, то в современной России ее существование исключено совершенно и всякая оппозиция, даже из рядов коммунистической партии, уничтожается расстрелами. Вспомним судьбу Каменева, Зиновьева, Бухарина, Рыкова, Пятакова, Смирнова и проч. старых и молодых большевиков, имя которым легион...

И вот, вольная, бесцензурная русская пресса опять должна была искать убежище за рубежем. Но после войны и революции условия в Европе резко изменились в неблагоприятную для свободного русского слова сторону.

Высланные русские анархисты пытались в 1923 г. издавать в Берлине журналы, имея в виду их нелегальное распространение в России. Попытка была неудачной и журналы — „Рабочий Путь" и „Анархический Вестник" — закрылись очень скоро: „Рабочий Путь" приостановился на шестом номере, а „Анархический Вестник" на седьмом. Год спустя в Париже был основан, в 1925 году, журнал „Дело Труда", который оказался счастливее своих предшественников и выходил до декабря месяца 1929 года, затем был переведен в Америку, где и выходит до сих пор.

***

В то время, когда в России большевики беспощадно уничтожали анархическое движение и его прессу, последняя нашла убежище в далекой Америке. С переводом в Россию еженедельной газеты Союза Русских Рабочих „Голос Труда" (1912—1917) и с закрытием „Рабочей Мысли", русское анархическое движение Северной Америки осталось без печатного органа. Война и революция в России создали неблагоприятные условия для развития анархического движения и процветания его прессы в Соединенных Штатах, особенно русского, ибо военная и антикоммунистическая истерика правительства президента Вильсона вылилась в форму разнузданной реакции, направившей свои удары против всего русского в стране. Поэтому, когда был выпущен в 1918 г. журнал Союза Русских Рабочих „Набат", правительство закрыло его на третьем номере. Сменивший его „Колокол" был закрыт на первом номере. Только еженедельной газете „Хлеб и Воля" удалось просуществовать около года; она пала под погромными ударами министра Пальмера, который, вопреки конституционным гарантиям и элементарным демократическим правам громил все русские организации, арестовывал направо и налево всех русских, как „красных", сажал в тюрьмы и депортировал в Россию. Но русского анархического движения в Америке Пальмеру задушить не удалось, он только загнал его в подполье. Скоро появился нелегальный журнал „Волна" (1920—1924) и легальная газета „Американские Известия" (1920—1924). После этого в Северной Америке начался период сознательного разложения анархизма газетой „Рассвет", попавшей в руки примазавшихся к анархическому движению, из корыстных соображений, элементов. В эту пору (1925 г. и после), анархическое движение Америки обслуживалось только парижским журналом „Дело Труда".

***

В это же самое время на другом конце американского материка, в Аргентине, существовало сильное русское анархическое движение, представленное газетой „Голосом Труда" (1919—1930). Это движение было разгромлено в 1930 году, пришедшим к власти фашистским генералом Урибуру. После этого разгрома попытки восстановить в Аргентине русскую анархическую прессу окончились неудачей. Многие активные деятели движения, освобожденные из тюрьмы, вынуждены были оставить пределы Аргентины и переселиться в Уругвай.

***

В 1927 г., в противовес влиянию парижского „Дела Труда", газета „Рассвет стала издавать журнал „Пробуждение", который прекратил свое существование в 1937 г. вместе с переходом газеты в руки правого социалиста революционера В. И. Лебедева, который превратил газету из „проводника русского фашизма" в антифашистский орган с сильным националистическим уклоном. Переход газеты в руки Лебедева закончил борьбу „Дела Труда" с разлагающим влиянием „Рассвета", которая началась в 1925 г., В 1930 г. „Дело Труда" было переведено в Соединенные Штаты, где и продолжает выходить до настоящего времени, оставаясь единственным русским анархическим органом во всем мире.

Таков тернистый путь русской анархической прессы на протяжении 70-ти лет, от „Народного Дела" до „Дела Труда".

Марксисткая реакция в России изживает себя, ее конец не за горами, и мы уверены, ее падение будет означать начало царства свободы, экономичского равенства, человечности, полноты и разнообразия жизни личности в обществе, освобожденном от государственной опеки и капиталистической эксплоатации. Наша священная обязанность и долг перед русскими трудящимися массами в данный момент: твердо держать одинственное знамя русского анархизма — „Дело Труда", и донести его незапятнанным до решительной победы русских рабочих и крестьян, час которой гораздо ближе, чем многие думают.

Г. Максимов.

ПРОГРАММЫ
Русского Анархизма Раннего Периода

I.
НАША ПРОГРАММА.

Мы хотим полного умственного, социально-экономического и политического освобождения народа.

I. **Умственного освобождения,** потому, что без него политическая и социальная свобода не могут быть ни полными, ни твёрдыми. Вера в бога, вера в бессмертие души и всякого рода идеализм вообще, как это мы докажем впоследствии, служа с одной стороны непременной опорой и оправданием для деспотизма, для всякого рода привилегий и для эксплоатирования народа, с другой стороны деморализует самый народ, разбивая его существо как бы на два друг другу противоречащие стремления и лишая его, таким образом, энергии, необходимой для завоевания его естественных прав и для полного устройства свободной и счастливой жизни.

II. **Социально-экономического освобождения** народа, без которого всякая свобода была бы отвратительной и пустозвонною ложью. Экономический быт народов был всегда краеугольным камнем и заключал в себе настоящее об'яснение их политического существования. Все доселе существовашие и существующие политические и гражданские организации в мире держатся на следующих главных основаниях: на факте завоевания, на праве наследственной собственности, на семейном праве отца и мужа и на освящении всех этих основ религиею; а все это вместе и составляет существо государства. Необходимым результатом всего государственного устройства было и должно было быть рабское подчинение чернорабочего и невежественного большинства так называемому образованному эксплоатирующему меньшинству. Государство без привилегий, политических и юридических, основанных на привилегиях экономических, немыслмо.

Желая действительного и окончательного освобождения народа, мы хотим:

1. Упразднения права наследственной собственности.

2. Уравнения прав женщины, как политических, так и социально-экономических, с правами мужчины; следовательно, хотим уничтожения семейного права и брака, как церковного, так и гражданского, неразрывно связанного с правом наследства.

3. С уничтожением брака рождается вопрос о воспитании детей. Их содержание со времени определившейся беременности матери до самого их совершеннолетия; их воспитание и образование, равное для всех — от нисшей ступени до специального высшего научного развития — в одно и тоже время индустриальное и умственное, соединяющее в себе подготовление человека и к мускульному, и к нервному труду, должно лежать главным образом на попечении свободного общества.

Основой экономической правды мы ставим два коренные положения: **Земля принадлежит только тем, кто ее обрабатывает своими руками — земледельческим общинам. Капиталы и все орудия труда работникам — рабочим ассоциациям.**

III. Вся будущая политическая организация должна быть ничем другим, как свободною федерациею вольных рабочих, как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций).

И потому, во имя освобождения политического, мы хотим прежде всего окончательного уничтожения государства, хотим искоренения всякой государственности со всеми ее церковными, политическими, военно и гражданско-бюрократическими, юридическими, учеными и финансово-экономическими учреждениями. Мы хотим полной воли для всех народов, ныне угнетенных империею, с правом полнейшего самораспоряжения, на основаниях их собственных инстинктов, нужд и воли; дабы, федерируясь снизу вверх, те из них, которые **захотят** быть членами русского народа, могли бы создать сообща действительно вольное и счастливое общество в дружеской и федеративной связи с **такими** же обществами в Европе и в целом мире. (М. Бакунин, „Народное Дело", № 1, стр. 6—7, сентябрь 1868 г.).

II.
ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ „НАЧАЛО".

„...Русский народ, благодаря особым историческим условиям, анархичен: он еще не усвоил себе, подобно другим народам, государственных идей и буржуазных инстинктов; вопреки освященному законом принципу частной собственности, — требует общего раздела земли и, несмотря на вековое татарское, крепостное и государственное иго, мечтает о широкой вольной жизни; мировоззрение его, выраженное в понятной для него формуле „Земля и Воля", — в корне социалистично. При таких условиях пропаганда социалистического учения, сродного народным поняти-

ям, представляется могучим орудием для достижения выставленной нами цели; но, конечно, она должна ограничиться лишь расширением и развитием мировоззрения народа и не иначе, как в направлении реальных потребностей и своеобразных экономических и общественных его стремлений: словом, — способствовать выработке задач русского народного социализма. Принципы социализма всеобщи, как сама эксплоатация, и интернациональны, как пролетариат; и если действительно социальная революция не есть дело данной местности, данной национальности, данного государства, а общечеловеческое, международное дело — то осветить принципами социализма задачи революционного движения народа, выработанные его жизнью, — значит внести в это движение общечеловеческое международное начало, связать его с революционным движение других народов. Принципы социализма — это интернациональное знамя; воплощением их в общественном строе должен закончиться быть может вековой процесс социального переворота, они, как путеводная звезда, должны быть нашим руководящим началом. В этом смысле мы признаем: 1) взамен сословного государства, федерацию, образованную путем свободного союза свободных общин, без всякой принудительной центральной власти; сила, сплачивающая отдельные общины и федеративные союзы, должна заключаться единственно в общности и солидарности интересов, побуждающей жить каждого для всех и всех для каждого; 2) земля и орудия производства составляют достояние всего народа; 3) работник есть единственный собственник продуктов своего труда; 4) обмен последних, в смысле равномерного распределения их между работниками, лежит на обязанности федеративных союзов и общин и 5) полное социальное и политическое равенство, безусловную свободу совести, слова, научных исследований, свободу сходок и собраний. („Начало", № 1, 1878 г., „Революционная Журналистика Семидесятых Годов",, стр. 5—6, Париж 1905).

III.

ПРОГРАММА „ЗЕМЛИ И ВОЛИ".

„Земля и Воля"! — вот два магических слова, много раз поднимавшие из глубины России могучие стихийные движения. Дважды чуть не повалили они государственной Руси и до сих пор глубоко волнуют душу серого крестьянства от одного конца России до другого.

Земля и Воля! — Вот тот девиз, который написали на своем знамени, верные духу и истории своего народа, наши предшественники, социалисты-народники 60-х годов.

Теже слова пишем на нашем знамени и мы.

Мы убеждены, что только те культурные формы имеют историческое будущее, которые коренятся в умах и стремлениях народных масс; мы не верим в возможность путем предварительной работы создать в народе идеалы, отличные от развитых в нем всей предшествующей его историей...

Революции — дело народных масс. Подготовляет их история. Революционеры ничего поправить не в силах. Они могут быть только **орудиями** истории, выразителями **народных** стремлений. Роль их заключается только в том, чтобы организуя народ во имя его стремлений и требований и поднимая его на борьбу с целью их осуществления, содействовать ускорению того революционного процесса, который, по непреложным законам природы, совершается в данный период. Вне этой роли они —ничто; в пределах ее они — один из могущественных факторов истории.

Поэтому, основанием всякой истинно-революционной программы должны быть народные идеалы, как их создала история в данное время и в данной местности.

Во все времена, где-бы и в каких-бы размерах не поднимался русский народ, он требовал Земли и Воли.

Земли — как общего достояния тех, кто на ней работает, и Воли — как общего права всех людей самим распоряжаться своими делами.

Отнятие земель у помещиков и бояр, изгнание, а иногда поголовное истребление всего начальства, всех представителей государства и учреждение „казачьих кругов", т. е. вольных, автономных общин с выборными, ответственными и всегда сменяемыми исполнителями народной воли, — такова была всегда неизменная „программа" народных революционеров-социалистов: Пугачева, Разина и их сподвижников.

Такова-же без сомнения остается она и теперь для громадного большинства русского народа.

Поэтому ее принимаем и мы, революционеры-народники.

Этой программой мы выдвигаем на первый план вопрос аграрный. Вопрос-же фабричный, мы оставляем в тени, и не потому, чтобы не считали экспроприацию фабрик необходимостью, а потому что история, поставившая на первый план в Западной Европе вопрос фабричный, у нас его не выдвинула вовсе, заменив его вопросом аграрным. А между тем, революционное движение, поднявшееся во имя земли, на другой — же день роковым образом само придет к сознанию необходимости экспроприации фабрик и полного уничтожения всякого капиталистического производства, потому что, сохранив его,

оно само вырыло бы себе могилу. Точно так и городское социалистическое движение, если-бы оно началось независимо от деревень, неминуемо наткнулось-бы с первых-же шагов на вопрос о социализме аграрном. („Земля и Воля", № 1, 1878 г.; „Революционная Журналистика Семидесятых Годов", стр. 119—121. Париж, 1905).

IV.
ПРОГРАММА „ЧЕРНОГО ПЕРЕДЕЛА".

„Земля и Воля" по прежнему останется нашим практическим, боевым девизом, так как эти два слова наиболее полно и широко выражают народные потребности, стремления и идеалы.

Что касается названия нашего издания органом социалистов-федералистов, то оно об'ясняется нашим убеждением, что лиш[ь] федеративный принцип в политической организации освободившегося народа, то[лько] полное устранение принудительного начала, на котором основаны современны[е] государства, и свободная организация сн[и]зу вверх — может гарантировать нормал[ь]ный ход развития народной жизни. Н[а]сколько торжество федеративного при[н]ципа может быть достигнуто одним уд[а]ром, одним победоносным революционны[м] движением, невозможно, конечно, сказа[ть] в настоящее время. Но партия должна н[а]править все свои усилия к обеспечению е[го] торжества. („Черный Передел", № 1, 18[..] „От редакции". Гос. Изд. Москва 1922).

ПОСЛЕ БОЛЬШЕВИЗМА ЧТО?

(Продолжение).

VI.
КУДА ИДЕТ РОССИЯ?

Потребность знать, что происходит в России и куда она идет огромна. Эта потребность ощущается не только среди русских, но и среди других народов. Знать, что происходит в России мы можем из газет — это не трудно, но понять происходящее гораздо труднее и этого понимания мы уже не можем почерпнуть из газет. Мы все знаем, что в России происходят расстрелы, что Советы заменены парламентом, но об'ясняем происходящее по разному, потому что не все мы можем поставить происходящие события в логическую связь с общим развитием страны за последние двадцать лет.

Чтобы понять, чтобы дать ответ, правильный ответ, необходим анализ фактов и событий, необходимо познать природу этих фактов и событий, установить их тенденции, направления, а затем синтезировать полученные результаты анализа и тогда ответ на поставленный вопрос: куда идет Россия? получится сам собою.

При анализе мы должны измерять, взвешивать и оценивать анализируемые части. Следовательно, анализ требует применения такой единицы измерения, которая не вызывала бы разногласий.

Я думаю, и с этим никто не может не согласиться, что всякое организованное человеческое общество существует для того, чтобы обеспечить каждого своего члена **питанием, жилищем, одеждой, отдыхом, образованием, развлечением, свободой** и **защитой.** Совокупность этих элементов и должна составлять единицу измерения в области социологической. Это и есть та мера, которой мы должны измерять, взвешивать и оценивать все политико-экономические режимы, все социальные факты и явления. Этой именно мерой я и по[ль]зовался на протяжении всего моего а[на]лиза и буду ею пользоваться и теперь.

***

Жизнь всякого организованного [об]щества схематически можно разделит[ь на] три огромные области, а именно:

а) **экономическая** или **хозяйстве[нная] область** — самая важная, ибо от нее [за]висит физическое существование чл[енов] общества, и ею определяются взаим[оот]ношения людей на почве производства, [ко]торые в огромной мере определяют [по]литические взаимоотношения;

б) **политическая область** — она [охва]тывает внепроизводственную жизнь [чле]нов общества, регулирует их взаимо[отно]шения, определяет права и обязанно[сти];

в) **нравственная область** — облас[ть не]писанных законов, область нравов и [обы]чаев, которые лежат в основе пове[дения] людей и руководят их поступками [и дей]ствиями, являясь тем цементом, ко[торый] только и скрепляет людские общест[ва].

Все эти области тесно связаны [между] собою и подвергаются постоянном[у вза]имному воздействию.

Рассмотрим каждую из этих об[ластей] современного русского общества в [отдель]ности.

***

а) Экономическая область.

Говоря об экономической или [хозяй]ственной области всякого организ[ованно]го общества, чрезвычайно важн[о знать,] **кому принадлежат орудия и средст[ва про]изводства.** Это важно знать, ибо [кто ими] владеет, тот и организует хозяйст[во и из]влекает из него максимум выгод [для себя]. Кто же владеет орудиями и ср[едствами]

производства в России и кто организует
хозяйство в ней?

Государство, нам говорят, и сейчас же
спешат добавить: **государство,** т. е. **весь**
народ, ставя знак равенства между госу-
дарством и народом. Но так как народ в
целом непосредственно не может занимать-
ся этим делом, то он владеет орудиями и
средствами производства и организует хо-
зяйство через своих выборных, которые
образуют правительство. Значит, в ко-
нечном счете, государственная собствен-
ность фактически есть правительственная
собственнось; государство-собственник оз-
начает на деле правительство-собственник.
Правительство есть конкретное олицетво·
рение отвлеченного государства. Это кон-
кретное олицетворение государства, вхо-
дя в управление государственной, „народ-
ной" собственностью, становится реальным
собственником. Как же этот собственник
организует хозяйство?

Если мы представим общество в виде
окружности, то правительство будет цен-
тром, от которого к перефирии идут ра-
диусы различных министерств или комис-
сариатов: земледелия, торговли, промыш-
ленности, финансов, транспорта, продо-
вольствия, почты, телеграфа и телефона и
пр. На этих министерских радиусах распо-
ложены сверху вниз исполнительные ор-
ганы, прогрессивно уменьшающиеся по
об'ему прав: отделы, под'отделы и пр.
вплоть до заводского и цехового управле-
ния, бригады и звена. Все эти органы за-
полнены людьми, которые управляют ра-
ботой и жизнью перефирии, т. е. работой
и жизнью народа. Они не производят, а
только управляют, организуют и их всего
лишь несколько миллионов. Их распоря-
жения должны выполняться. А чтобы их
распоряжения действительно выполнялись,
они имеют в своем распоряжении орудия
и средства принуждения: армию, полицию,
сыск, тюрьму, висилицу и школы.

Таким образом государственная или
правительственная форма организации про-
изводства неизбежно пораждает два клас-
са: те, которые управляют, организуют,
сидят в разных бюро — **бюрократия** и те,
которыми управляют, которых организу-
ют, заставляют работать, эксплоатируют
— **рабочий класс,** пролетарии города и де-
ревни. Эти классы, как мы показали рань-
ше, вполне сложились в России и между
ними уже проведена резкая размежевы-
вающая линия. Их интересы враждебны и
их положение в государстве настолько раз-
лично, что оно может продолжаться толь-
ко при помощи неслыханного полицей-
ского насилия и жестокости. Рассмотрим
в отдельности положение бюрократии и
положение рабочего класса в современной
России.

Положение бюрократии.

В современной Росии, как я показал
раньше, национальный доход распределя-
ется также как и в капиталистических стра-
нах, т. е. по об'ему прав и по полезности
услуг, оказываемых государству, на деле
правительству. Тот, кто наделен больши-
ми правами государством, получает боль-
шую долю национального дохода или бо-
лее высокую заработную плату, вознагра-
ждение; тот, кто, с точки зрения прави-
тельства, приносит ему больше пользы,
чьи услуги более полезны правительству,
тот и получает больше из общей суммы
национального дохода, его доля больше.
Эта доля растет снизу вверх от 110 рублей
в месяц до тысяч. Доля простого рабоче-
го или крестьянина, в сравнении с долей
дюжины верховных бюрократов: Сталин,
Молотов, Ежов, Калинин, Микоян, Воро-
шилов, Каганович, Хрущев, Булганин, Ан-
дреев, Жданов, Угаров, Шверник, Чубарь,
которые фактически держат все в своих
руках, равна дождевой капле, упавшей в
море. Таким образом в России создалось
разительное имущественное неравенство,
какое существует в любой капиталистиче-
ской стране, и это неравенство закрепля-
ется теперь всеми средствами. Неравен-
ство это можно изобразить в виде пира-
миды, основанием которой являются мил-
лионы обездоленных, голодных, замордо-
ванных рабочих и крестьян, а верхушкой,
которой предоставлены все блага жизни,
ничтожная кучка верховной бюрократии,
увенченной узурпатором-деспотом. Между
основанием и верхушкой расположены
средние классы, в сильной степени варь-
ирующие по своему материальному до-
статку и положению.

Если принять сотню рублей за одну
милю, то имущественное расстояние между
основанием и верхушкой, т. е. между ра-
бочими и крестьянскими массами и вер-
ховной бюрократией, будет равно, по мень-
шей мере, 100 милям. Но это имуществен-
ное расстояние значительно больше, если
мы примем во внимание и учтем различ-
ные привилегии, побочные доходы, закон-
ного и незаконного характера, и бесплат-
ные или почти бесплатные удовольствия.

Возьмем для примера завод Москвы
или Ленинграда или вообще какой либо
завод в стране и посмотрим каково в нем
положение бюрократии.

Доля национального дохода заводской
бюрократии, в виде фиксированного жа-
лованья, в 5, 6, 10 и более раз превосхо-
дит долю заводского рабочего. Это зна-
чит, что законно установленное имущест-
венное расстояние между заводской бюро-
кратией и заводским простым рабочим
равняется более десяти милям. Но это
имущественное расстояние увеличивается

благодаря следующим привилегиям и побочным доходам.

Каждый завод имеет в своем распоряжении автомобили, которыми заводские бюрократы пользуются для личных нужд и удовольствий за счет завода и тем увеличивают удобства своей жизни и удлиняют имущественное расстояние между собой и рабочими.

Многие заводы связаны с колхозами, совхозами или с продовольственными и текстильными предприятиями или с другого рода предприятиями, от которых они получают по дешевке лучшего качества продукты и товары, распределяемые в порядке занимаемого положения, т. е. в иерархическом порядке. Снова увеличиваются удобства жизни и возрастает имущественное расстояние.

Точно также обстоит дело и с жилищем. Заводские дома прежде всего заселяются заводской бюрократией по рангу. Поэтому семья какого нибудь бюрократа, состоящая из трех душ, имеет в своем распоряжении квартиру в 2—3 комнаты с ванной и другими удобствами. Оставшуюся жилую площадь распределяют среди рабочих, в первую очередь, конечно, среди привилегированных рабочих: бригадиров, цеховых мастеров, ударников и пр. Если простому рабочему посчастливится получить для своей семьи в пять душ комнату в 10—12 метров, то он рассматривает это как величайшее счастье. Такое положение дел с жилищем в значительной мере улучшает удобства личной жизни бюрократа и в значительной мере удлиняет имущественное расстояние между ним и рабочим.

Точно также обстоит дело и в области медицинской помощи и во всем, что прямо или косвенно связано с охраной здоровья. Для рабочих — недостаток врачей, медикаментов, коек в больницах, в санаториях, в домах отдыха. Для рабочих медикаменты плохого качества и большею частью платные. К услугам бюрократии — лучшие врачи-специалисты, санитары, госпиталя, медикаменты и пр. лучшего качества и даром: за счет завода, за счет рабочих. Это не в малой степени облегчает жизнь и в огромной степени увеличивает имущественное расстояние между бюрократией и рабочими.

Общеобразовательные и специальные средние и высшие школы, как мы уже указали, заполняются в первую очередь детьми бюрократов, их родственников, знакомых и протежируемых. Желающих сотни и тысячи, а вакансий десятки, сотни. Нужно отбирать. Какой метод отбора?

В условиях политического безправия, полицейского произвола и отсутствия общественного контроля методом отбора может быть только **протекция.** Этот именно метод и является господствующим. Таким образом, за счет завода, за счет рабочих бюрократия и здесь увеличивает значительным образом свое имущественное положение, свое благополучие — удлиняет имущественное расстояние между собою и рабочими, которых, о ирония! она ведет к коммунизму...

Не лучше обстоит дело и в области культурного удовольствия, т. е. с театрами, концертами, оперой и пр. Завод ежедневно может покупать, и покупает, по крайней мере в Москве и Ленинграде, билеты в театры и на другие развлечения, которые распределяются в порядке иерархическом и в порядке протекции. Эти культурные развлечения украшают, разнообразят, осмысливают жизнь, приводят в движения эмоции бюрократии, а рабочие попрежнему вынуждены жить убийственно - однообразной жизнью, наслаждаться балаганами и упиваться отвратительной русской сивухой. И здесь наблюдается тоже самое удлиннение имущественного расстояния между двумя классами. Пропорционально росту имущественного расстояния между бюрократией и рабочими растет и психологическая и идеологическая отчужденность. Это явление наблюдается во всех областях и закоулках жизни страны, везде и повсюду: в колхозе, совхозе, в магазине, в канцелярии, в департаменте и в полку, даже в тюрьме.

Можно ли допустить, хоть на одну минуту предположить, что эти люди когда либо пожелают все это уничтожить, пожелают сознательно отрезать сук, на котором они так удобно сидят? Нелепое, вздорное предположение! Но можно ли предположить, что эти люди об'единятся и общими усилиями постараются „на вечные времена" закрепить свое современное положение и расширить свои привилегии?

Запоздалое предположение! Они уже давно психологически об'единились, создали целостную классовую психологию и идеологию. Теперь они об'единяются реальным образом и цементируют свое об'единение кровью убиваемого ими большевизма и его выдающихся вождей, ибо они не желают взять риск, чтобы рабочие организовались против них даже под истрепанным и обесчещенным знаменем большевизма. Таково положение бюрократии в России. Каково же положение рабочих и крестьянских масс?

Положение рабочего класса.

Возьмем опять завод. Заглянем в него и посмотрим, что там делается. Я беру для иллюстрации положения бюрократии и рабочих завода потому, что завод, как колхоз и совхоз, представляет собою точную миниатюрную копию всего государства, которое отражается в нем, как в капле воды.

Завод, как и государство в целом, охватывает рабочего тысячами видимых и невидимых щупалец. Завод контролирует рабочего, как производителя и как гражданина, шпионит за ним, распоряжается им, как вещью: распоряжается даже его жизнью. Он высасывает из рабочего последние соки и принуждает работать сверх сил.

Завод — это каторга. Подобно тому как только смерть избавляет российского обывателя от государства, так и рабочего может избавить от завода-каторги только таже смерть.

Но каким образом могло произойти такое закрепощение и порабощение рабочего класса в России бюрократией? Как, каким способом она ухитряется держать рабочий класс в таком состоянии? Ответ — голод ,террор и полицейская организация внутри промышленных предприятий.

На заводе рабочий контролируется хорошо и детально разработанной системой шпионажа, стенной газетой, заводским журналом, партийными и профессиональными организациями и их собраниями, общезаводскими собраниями. За малые проступки рабочий предается „товарищескому суду", а в случае выявления политической неблагонадежности — передается в руки ГПУ.

Все замеченное за рабочим передается в Секретное Бюро завода, которое имеет личную карточку для каждого рабочего, куда заносятся все биографические данные и все сведения тайного наблюдения.

За два-три опоздания на пять минут рабочий об'является „прогульщиком" и подвергается действию специального закона о прогулах, согласно которому прогульщика немедленно увольняют с завода с пометкой в рабочей книжке: „прогульщик" и он лишается заводской квартиры. Это значит, что такой рабочий нигде не может получить работу по своей специальности. Единственно что остается для такого рабочего — это стать чернорабочим на заводе или батраком в совхозе, т. е. получать самую низкую заработную плату. Чтобы восстановить себя в своей профессии, такому рабочему потребуется несколько лет „хорошего поведения".

Переход с завода на завод при таких условия (при наличии рабочей книжки) для рабочего абсолютно невозможен: для перевода он должен иметь разрешение своего заводского начальства. Но зато, под предлогом „интересов производства", рабочего могут откомандировать, без его ведома и согласия, на совершенно противоположный конец страны на месяцы и годы, не считаясь с его личной и семейной жизнью. Отказаться рабочий не может, ибо он будет об'явлен трудовым дезертиром и саботажником, что влечет арест, ссылку или тюремное заключение. Часто во время полевых работ рабочих какого либо завода отправляют в деревню, иногда далеко, чтобы помочь собрать урожай. Тоже практикуется и при срочных работах: погрузка и разгрузка дров, угля, железа, очистка снега и т. п. Так, например, при постройке московского метро, подземной железной дороги, тысячи молодых девушек снимались с работы и отправлялись на рытье туннелей, переноски железа и других строительных материалов.

Таким образом, заводской распорядок — тюремно-каторжный распорядок и завод действительно является каторжной тюрьмой. Резко различие в положении рабочего и бюрократа: это — различие между заключенным и тюремщиком. Какова же доля рабочего в национальном доходе? Сколько он получает и как получает? Русский рабочий и русский крестьянин получают свою долю из национального дохода на основе строгой и детально разработанной сдельщины. А сколько они получают об этом нам поведуют декреты о заработной плате.

Согласно постановлению Совета Народных Комиссаров от 1-го ноября 1937 г. о повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим фабрично-заводской промышленности и транспорта предписывается исходить из следующих положений:

„а) работающим на повременной оплате установить надбавку к ставке заработной платы в таких размерах, чтобы тарифная ставка вместе с надбавкой составляла в месяц не ниже 115 рублей, не считая премий и других приработков;

б) рабочим и служащим, работающим сдельно, установить надбавку к их рассчетным ставкам в таких размерах, чтобы рассчетная ставка вместе с надбавкой составляла в месяц не ниже 110 рублей, не считая премий и других приработков". Однако „эта надбавка не включается в рассчетные ставки для исчисления премий, сдельных расценок, оплаты сверхурочных, для исчисления надбавки за выслугу лет в отдаленных местностях и т. д." Великолепное „и т. д.!"

В „Известиях" от 28-го августа 1937 г. опубликовано распоряжение народного комиссара связи СССР о повышении заработной платы работникам связи. Согласно этому распоряжению „вся система оплаты труда перестраивается и в основу ее положены два признака — квалификация работника и стаж его работы в области связи.

В зависимости от места работы, морзисты 1 разряда будут получать от 230 до 430 руб., 2 разряда — от 190 до 350 руб.; 3 разряда — от 150 до 320 руб.: телеграфисты скородействующих систем, 1 раз-

ряда — от 280 до **540** руб.; 2 разряда — от 230 до 430 руб.; 3 разряда — от **190** до 350 руб. и т. д.; почтальоны 1 разряда — от 180 до **360** руб.; 2 разряда — от 150 до 320 руб.; 3 разряда — от **120** до 280 руб.; сортировщики 1 разряда — от 280 до **510** руб.; 2 разряда — от 230 до 410 руб.; 3 разряда — от **200** до 350 руб. и т. д.

При продолжительности **работы от 3 до 5 лет устанавливается надбавка в 10%**, от 5 до 7 лет — 15% и т. д. Проработавшие от 15 лет и выше будут получать надбавку в размере 40%.

Лучшим стахановцам по решению специальных комиссий будет присуждаться звание мастера связи. Для последних устанавливаются персональные оклады".

Такова доля миллионов русских рабочих в национальном доходе. В сравнении с заработком рабочих капиталистических стран она ничтожна. Волтер Ситрин, один из вождей английских трэд-юнионов, оценивает среднюю реальную заработную плату русского рабочего в 12 долларов в месяц, т. е. русский рабочий количественно зарабатывает в 4—5 раз меньше американского безработного, работающего на общественных работах, и в 5—6 раз меньше наиболее низкооплачиваемого рабочего. Однако это еще ничего не значит, ибо русский рабочий, может быть, может приобрести за свой заработок в 10 раз больше чем американский и английский за свой, т. е. может быть покупательная сила рубля гораздо большая, чем покупательная сила доллара или шиллинга. Посмотрим, так ли это.

Один из видных английских экономистов, Л. Е. Губбарт, думает, что „средний русский может купить на свою недельную заработную плату столько, сколько лондонский может купить на 9 шиллингов" или на два доллара и 25 центов.

Что же может купить американский рабочий на два доллара и двадцать пять сентов? Стоимость продовольственной корзинки, исчисленной на основании правительственных цен, базирующихся на средних ценах Бюро Рабочей Статистики Соединенных Штатов, 14 декабря 1937 г. равнялась 4 дол. и 71 сенту. Эта корзинка содержит, в английских фунтах: 3 фунта круглого бифштекса, 2 фунта копченой или соленой свинной грудинки, кварту молока (1.1 литра), фунт сливочного масла, фунт говяжьего жиру, дюжину яиц, один хлеб (весом около кило), гарнец (15 ф.) картофеля, 3 фн. капусты, дюжину апельсинов, по коробке консервированной кукурузы, гороха и томатов, каждая весом в один фунт, 5 фунтов сахару и фунт кофе. Значит, американский рабочий мог купить на 2:25 половину содержимого этой продовольственной корзинки или, получая в неделю 12 дол. (самая нисшая оплата), несколько больше двух с половиной таких продовольственных корзинок в неделю; русский низкооплачиваемый рабочий, (допуская, что он на сдельщине выработает добавочных 50% своей основной ставки, что, конечно, невозможно), получая в месяц 160—165 рублей, при цене кило картофеля в 30 коп., хлеба — 70 коп., говядины — 6—8 рублей, сливочного масла — 8 рублей, десятка яиц — 5 рублей, не может приобрести на свой недельный заработок более половины содержимого продовольственной корзинки.

Значит, на недельный заработок русский рабочий, в сравнении с низкооплачиваемым американским рабочим, может купить продовольствия в 5—6 раз меньше, т. е. его реальный заработок действительно равняется 2—2.50 дол. т. е. в 3—4 раза ниже пайка американского безработного, состоящего на правительственной помощи!

При таких условиях русский рабочий о мясе и думать не может и это подтверждается целым рядом народных анекдотов вроде, например, такого:

Ребенок спрашивает отца: папа, почему евреи не едят свиннину?

Отец (со злостью): А мы едим?!

О неумирающая способность русского народа к юмору! Он не применет пошутить даже в самых тяжелых условиях, даже идя на виселицу, как декабрист Муравьев-Апостол.

Положение конторского, „беловоротничкового пролетариата" не лучше, если не хуже. Народная юмористика определяет его положение, как положение моли:

„Вчера с'ел свои штаны, сегодня начинаю есть воротник жены".

Но этот анекдот уже давно устарел, он не рисует правильно современное положение этого пролетариата. Если мы возьмем во внимание низшие ставки служащих Комиссариата Народной Связи, которые мы привели выше, и цены на одежду и материю, то для нас станет очевидным, что этот пролетариат не может есть ни свои штаны, ни воротник жены, ибо метр простого сукна в прошлом году стоял 40 руб., а метр простого ситца — 3 рубля. При этих ценах не раскушаешься!

Пара мужских ботинок, которые стоят в Америке 3 доллара, в России стоят — 220.5 руб.; пара женских ботинок плохого качества — 252 рубля; мужской костюм, который стоит в Америке 12.5 дол., в России стоит 660 рублей. Пальто астраханского барашка — 4158 рублей; пальто соболье, плохого качества — 2843 руб. При таких ценах ни один зуб не может разгрызть женнина воротника!

Итак, приняв во внимание дороговизну с'естных припасов, чрезмерную дороговизну одежды, прибавив к этому расход на комнату, самое меньшее 15 рублей в ме-

сяц, и не забыв различные вычеты из заработка, вполне законно спросить: какъ может жить огромное большинство русского пролетариата на 110—115, даже на 160 рублей в месяц?

Он живет впроголодь. Живет он так уже больше 20 лет. Это значит, что он физически, а следовательно, и культурно обречен на вырождение!

В этом разгадка двадцатилетнего гнета бюрократии... Имеет ли русский рабочий какие либо возможности улучшить свое личное положение? Если такие возможности имеются, то каковы они и как именно он может улучшить свое материальное положение?

Кроме воровства и грабежа имеется только один единственный законный путь — это ударная работа, ударничество, „стахановщина".

Это значит: вырабатывай больше и получишь больше. Не можешь — вымирай! Работай, как работает кандидат в депутаты Совета Национальностей знатный шахтер-стахановец П. С. Черпак, который говорит: „бывают месяцы, когда выполнение плана довожу до 500%. Зарабатываю в месяц 1,800—2,500 руб. и даже больше" („Правда", 25 ноября 1937 г.).

Работай, как работает Тбилисский кузнец Леван Хрикули с молотобойцем Абуладзе, которые выполняют норму на 500%, или как бригада Девсурашвили, которая за смену собрала 10 норм паровозных труб. („Правда", 30 октября 1937 г.).

Работай, как работает колхозница-звеньевая Ульяна Цурбелева, которая выработала в день 189 килограмов льноволокна, заработав более 30 трудодней... („Правда", 28 сентября 1937 г.).

Но ведь эти способы улучшения своего материального положения доступны не для всех, а для немногих: для сильных и ловких. Огромное большинство, ведущее в течении многих лет полуголодное существование, угнаться за этими единицами не может. В нормальных условиях капиталистического режима забастовка обычно является средством борьбы за поднятие материального уровня и за улучшение условий работы. В России забастовка абсолютно невозможна. Она — величайшее государственное преступление, за которое ссылают, сажают в тюрьму и даже расстреливают. Но даже если бы к забастовщикам и не применялись подобные зверские методы, то все равно забастовщик, потерявший работу, обречен на голодную смерть, ибо он никогда не найдет себе работы...

Итак, единственное средство подняться со дна огромной пирамиды — стахановщина, только стахановщина. А это значит рабство, изнурение и физическое вырождение. Таким образом, на дне „советской" пирамиды накапливается неисходная и неизбывная нищета, а на верхушке довольство и роскошь. Положение трудящихся масс России точно определяется анектотом:

Как поживаете?

Как Ленин в мавзолее: не хоронят и есть не дают...

Из этого положения вырываются только единицы — стахановцы: пионеры нового зажиточного мелко-буржуазного класса.

(Продолжение следует)

Г. Максимов.

Кусочки кровавой хроники

По сообщению „Ассошиэйтед Пресс" московские газеты об'явили Крыленко „врагом народа". Крыленко находится в тюрьме, судьба его неизвестна.

По сообщению „Юнайтед Пресс" газета „Красная Звезда", официальный орган Красной Армии, вышла 13-го июля, с заявлением о раскрытии заговора отравителей, организованного по наущению вредителей и агентов иностранной разведки.

Белоруссия снабжалась отравленным мясом, рыбой и консервами. К продуктам примешивался керосин. Кислота вливалась в воду, которая заражалась также „специальными микробами, приготовлявшимися здесь или привозившимися из заграницы".

Агент одной иностранной державы установил тесную связь с „троцкистами", работающими в учреждениях военной промышленности Дальнего Востока. Диверсионисты, посланные на работу в армейские столовые, отравляли пищу стрихнином и мышьяком.

Кто и сколько арестовано, газета умалчивает.

МОСКВА, Июль 28. — (ЮП) — Григорий Борбах назначен начальником русской тайной полиции (ГПУ) на Дальнем Востоке. Это назначение есть частичное проявление грандиозной чистки „врагов государства" и шпионов.

Московское сообщение об этом назначении является первым подтверждением устранения Г. Лушкова, который недавно бежал в Японию.

МОСКВА, Август 7. — (АП) — „Бакинский Рабочий" сообщает о раскрытии заговора, имевшего целью отделение Азербайджанской Советской Социалистической

Республики от С. С. С. Р.

Заговорщиками являлись 14 человек из Комиссариата Земледелия. Они обвинены в заговоре, имевшем целью убийство коммунистических лидеров и развитие сепаратистского движения путем вредительской деятельности. Арестованные обвинены в планировании роспространения чумных бацил среди скота и населения. Все арестованные, за исключением двух, подписали признание.

Газета „Ордженикидзская Правда" (Владикавказ теперь называется Ордженикидзе), сообщает, что „младший свинарь" приговорен к смерти за небрежность, в результате которой произошел пожар на сенокосе и гибель 73 поросят на коллективной фарме Ордженикидзской области.

МОСКВА, Август 24. — (АП) — Десять высших чинов Азербейджанской Советской Республики, (смотри сообщение от 7-го августа), приговорены к смертной казни за контр-революционный заговор, имевший целью отделение Азербейджана от Советского Союза.

РИГА. Август 30. — „Нью Йорк Таймс" напечатал сообщение „Лондонского Таймса", переданное ему по безпроволочному телеграфу из Риги, о расстрелах во флоте СССР.

Еще в феврале военный комиссар Климентий Ворошилов в одной из своих речей признался, что главно-командующий флота Владимир Р. Орлов и начальник балтийского флота А. К. Сивков расстреляны, как „фашистские шпионы". Теперь сообщают о расстреле, как „предателей" и „врагов народа", следующих флотских командиров:

Лудри, начальник Ленинградской Военно-Морской Академии; Иванов, командир корабля Марат; М. В. Викторов, заместивший Орлова на посту главнокомандующего флотом; Муклевич, главный начальник военно-морского строительства; Кожанов, командир черноморского флота; Киреев, командир тихо-океанского флота; Дешенов, командир северного флота; Кудацкий, командир дальневосточной амурской флотилии; профессора Ленинградской Военно-Морской Академии Петров и Жевре. Расстреляно много других флотских.

Все расстрелянные в деле строительства флота стояли на точке зрения создания „защитного флота", состоящего из мелких боевых единиц, как подводные лодки, миноносцы и пр. Сталин же требует создания „офензивного флота", т. е. флота, состоящего из крупных военных единиц: линейных кораблей и крейсеров, и способного к нападению. Этот флот, после расстрела „предателей и вредителей", начали строить.

Трагедия иностр. коммунистов в России

(Письмо коммуниста).

31-го мая 1938 года.

ДОРОГИЕ МОИ!

Первые строки с воли к Вам. Пишу в поезде, который только что переехал через Советскую границу... Что я видел, сколько ужасного, чудовищного и невообразимого я пережил, — об этом я мог бы Вам рассказать только устно. Сейчас только в общих чертах. Я все еще не могу опомниться от чуда, что я вырвался из этого ада. Вот уже 8 месяцев, как я каждую ночь ложился в кровать с мыслью: а буду ли я еще утром на том же месте? Да разве я один был в этом состоянии? Ведь во всем Союзе не найдется двух иностранцев, или двух бывших иностранцев, или даже русских, имевших какие-либо связи с инастранцами, которые бы, прощаясь, не выразили бы пожелания: „будем надеяться, что мы снова встретимся". Все, но решительно все до единого, мои старые друзья и знакомые-немцы **арестованы.** За последние полтора года, начиная с ноября 1936 года, они стали исчезать один за другим, последний 22-го апреля с. г. Из „нашей" прессы Вы узнаете, что это все были „шпионы", диверсанты" и т. п. На самом деле, все мои друзья были **долголетними членами ГКП,** и никогда не были ни троцкистами, ни чем-либо подобными. А что касается шпионажа, то они такие же „шпионы", как мы с Вами. Их единственным преступлением было то, что они иностранцы.

И вот Вам картинка советского „правосудия"...

Дело начинается с того, что ночью стучат, и к Вам вваливаются двое штатских с мандатами ГПУ и приказом об аресте. Ваша комната (в Союзе никто из простых граждан не имеет больше одной комнаты, даже, если это целая семья из нескольких человек) переворачивается вверх дном: стучат в стены, разрезают картины, забирают с собой все книги, рукописи, заметки, фотографии. А что происходит дальше, это я подробно узнал от одного знакомого, который был арестован по ошибке и потом выпущен. Первый вопрос, который на допросе ставят арестованному, например, служащему Коминтерна, такой: „Каким образом Вы были завербованы Гестапо?" Такой вопрос был поставлен между прочим, и человеку, который жил в Союзе еще с 1930 года... Самое ужасное это то, что все люди, подобные мне и моим друзьям, уходят в тюрьму в твердом убеждении, что это ошибка, которая очень скоро раз'яснится, и что завтра они уже будут дома. Поэтому большинство не берет с собой никаких вещей, кроме мыла, щетки и полотенца, а некоторые и того не берут, а затем оказывается, что в тюрьме не дают ничего, — ни белья, ни платья, ни даже мыла. От родных не принимают никаких передач, разве только от мужа или жены, да и то в размере не больше 50 руб. в месяц. Писать из тюрьмы нельзя и получать письма тоже

нельзя. Семьи в большинстве случаев даже не знают, где находятся арестованные. Мне известен случай, когда родные одной женщины, арестованной летом в легком платьице, получили от нее через 18 месяцев известие из Восточной Сибири. В другом случае, тяжело туберкулезная женщина, арестованная без вещей, оказалась на Камчатке, и от нее пришла слезная просьба прислать хоть какие-нибудь старые вещи, хотя бы даже рваные, ибо на ней буквально ничего нет, кроме нескольких отрепий (а холод там доходит до 40 и 50 градусов). Впрочем, на этом полуострове европейцы, даже здоровые, всеравно погибают от скорбута. Все товарищи, от которых через 12—16 месяцев получалась первая весточка, сообщают, прежде всего, что они не имеют представления, за что им дали 10 лет принудительных работ (ниже этого срока никто из моих знакомых не получил). Дргуми словами, приговор был вынесен административным порядком, без всякого суда. Оффициальная формула гласит: „за контр-революцонную деятельность"...

...Так вот люди и пропадают, и не единицы, а сотни тысяч во всей стране. Дети осужденных, если им еще нет 16 лет, забираются в учреждения для принудительного воспитания. Родителей у них больше нет, а у их родителей нет больше детей. Мне известен случай, когда сначала была арестована женщина, мать годовалого ребенка, а затем был арестован и муж — отец ребенка. Младенец был отдан в воспитательный дом, вещи конфискованы, и семья оказалась стертой с лица земли. Конфискованных вещей не мало, ибо по **всему Союзу арестованных в концлагерях** считается, по оффициальным данным, **7 миллионов.**

В Москве имеется целый ряд магазинов, где продаются **только** конфискованные у заключенных вещи. Так как в товарах огромный дефицит, то перед этими магазинами, как впрочем, и перед всеми магазинами, гигантские очереди.

Тюрьмы настолько переполнены, что в камерах, предназначенных для 30 человек, сидят 150 и больше. Битком набиты и все подвалы милицейских участков.

Мы жили недалеко от Бутырской тюрьмы Когда бы я ни выходил на улицу, к тюрьме или от тюрьмы вечно мчались тюремные автобусы. То и дело проносились с воем кареты скорой помощи, ибо вследствие необычайного переполнения, много заключенных тяжело заболевали.

Не очень весело и положение уцелевших членов семьи. Прежде всего тебя выгоняют с работы. И это навсегда, ибо с клеймом арестованного мужа или отца уже больше никогда на работу не примут. Затем начинается трагедия с квартирой, ибо в Москве такой жилищный голод, какого Вы себе вообразить не можете. Семью выселяют из квартиры при помощи милиции, и если нет родных, которые тебя приютят, то дело плохо. Советских граждан, оставшихся без квартиры, часто арестуют „за бродяжничество". Для семей арестованных иностранцев, служивших в Коминтерне, устроены бараки в полуразвалившемся доме, где им приходится жить в большой тесноте. Но и оттуда их собираются выселить. Кто не служил при Коминтерне, того семью не принимают и в этот барак. ГПУ советует им пойти в их посольство, которое де обязано им дать квартиру... Кто упорно отказывается итти в свое посольство, тех зачастую арестуют. Так было, напр., с одним поляком, который в свое время по распоряжению Компартии застрелил провокатора и был за это в Польше присужден к смертной казни. Болгарин **Истеров (?),** избранный на VII. Конгрессе Коминтерна членом контрольной комиссии, один из основателей болгарской компартии, присужденный в Болгарии к смерти, был в Москве **расстрелян.** Его жена, живущая уже 8 лет в Москве, член ВКП(б), была вместе с детьми выслана в Болгарию. Как я счастлив, что Вас МОПТ не послал в Москву... Тут арестованы даже 17-летние юноши, сыновья очень известных социалистических лидеров-немцев. Все врачи, все учителя, все студенты, евреи и не-евреи, все об'явлены „фашистскими агентами"

Право жительства дается только на несколько дней, а затем снова надо стоять в очереди в паспортном отделе часами, для того, чтобы получить продление. А сколько при этом бюрократизма, об этом Вы не имеете ни малейшего представления.

Когда я последний раз был в паспортном отделе, я встретил там двух женщин, которые живут в России вот уже 26 лет. Это работницы, которые всю жизнь прожили на Урале, которые позабыли немецкий язык, замужем за русскими, имеют малых детей. По полному незнанию законов, они в свое время не предприняли нужных мер, чтобы выписаться из германского подданства, и потому до сих пор формально считаются „немками". Вот их и высылают заграницу, одних, без детей, без семьи. И это не единственные случаи... Вот другая женщина-работница. Русская, 45-ти лет. Еще до войны вышла замуж за немца. Теперь мужа и сыновей арестовали, а ее высылают в Германию. Сидит вот рядом со мной в вагоне, плачет. Денег ни копейки, последние 400 рублей отобрали при выезде заграницу, не дав ничего взамен. Не понимает ни слова по-немецки, не имеет заграницей ни одной живой души, и все ее имущество состоит из нескольких старых тряпок в маленьком порванном чемоданчике. О, собаки, звери в человеческом образе, позорящие имя коммунизма!..

Как я раньше жил. Вы знаете. Но с осени начался настоящий ад. 5-го октября была арестована моя старая приятельница, член партии с 1919 года и участница гражданской войны в Латвии, деятельница Коминтерна в разных странах. В начале декабря знакомые друзья-немцы, тоже старые заслуженные коммунисты, получили отказ в советском гражданстве и предложение получить обратно свои старые, еще в 1935 году истекшие, немецкие паспорта. Одновременно к ним каждый день стали являться представители милиции и домкома, требуя немедленной очистки квартиры. Моим друзьям, старым коммунистам, было противно итти в гитлеровское посольство просить о продлении паспортов. Но доведенные до отчаяния приставанием домкома и пришедшие в ярость из-за несправедливого к ним отношения, они, наконец, махнули рукой и пошли в немецкое посольство. Там, конечно, полная противоположность: любезность, предупредительность, немедленная выдача паспортов и т. п.

Дошло дело то того, что германское посольство устроило в доме бывшего австрийского посольства специальный приют для эмигрантов и оставшихся без крова семей арестованных коммунистов. Женщины и дети многих арестованных иностранцев, давно погибли бы с голоду, если бы в России не было такого товарного голода, что они за свои старые и довольно дрянные вещи могли выручить довольно большие суммы. Как люди тут вообще живут — это загадка. Моя знакомая — учительница получала 350 рублей в месяц, а пара дрянных дамских чулок, которая в Париже стоит 7—8 франков или в Германии 95 пфенигов, стоит здесь 12 рублей. Кило масла 20 рублей. Костюмы, если такой вообще можно получить — 800 рублей минимум, туфли — 250 рублей и т. п. Но не так то легко эти товары получить: надо становиться в очереди с 5-ти часов утра, а товар такой дрянной, что немедленно рвется...

Да и с работой не так просто для иностранца, даже имеющего советский паспорт. Огромное большинство их не имеет работы, а те, которые имеют, дрожат, что ее потеряют. Ведь, раз уволенному, получить снова работу совершенно немыслимо. В общем, ужас, ужас и ужас... Все, что пишут в газетах, ложь и вранье. Приезжающим сюда делегациям показывают потемкинские деревни. Только тот иностранец, который здесь живет много лет и знает язык, может понимать, что здесь делается.

Ну, друзья мои, надо кончать, мы уже под'езжаем к Варшаве... Еду в неизвестность, без гроша в кармане, но духа после всего пережитого не теряю. Знаю только одно: Партии для меня больше не существует.

Целую вас всех...

(„Соц. Вестник", № 13—14, 30 Июля 1938 г.).

„ОТВЕТ ГПУ НА ПИСЬМО К СТАЛИНУ".

Под этим заглавием орган голландской с.-п. „Гет Фолк" (2. 7. 38) рассказывает историю рабочего-голландца, принявшего всерьез т. н. самокритику и пытавшегося познакомить „вождя всех трудящихся" со своими впечатлениями о положении русского пролетариата.

И. Б. покинул Голландию много лет тому назад. Жертва знаменитой стачки 1903 г., он отправился искать счастья в Америке; работал там в разных городах, пока, в результате кризиса 1929—30 г., не очутился на улице. Оставив семью в Монтреале, он решил уехать в Советскую Россию, страну — как он верил — не знающую бича безработицы и предоставляющую всем и каждому возможность трудиться.

Декоратор и маляр по профессии, И. Б. быстро приспособился в строительном деле и успел за время своего пребывания в России окрасить тысячи домов в Москве и Баку. Занимаясь своей профессией, он наблюдал происходящее вокруг него и, хорошо зная условия жизни рабочих в Европе и в Америке, невольно сравнивал эти условия с тем, как живут трудящиеся в России. Безработицы он не видел. Но заработки были настолько мизерны, что не шли ни в какое сравнение с заработками рабочих любой индустриальной страны. Своих мыслей И. Б. не скрывал и делился ими с товарищами частью по-английски, частью на ломанном русском языке. Не удовлетворившись одними разговорами, он решил в письменной форме изложить выводы, к которым он пришел. Руководился он при этом самыми благими намерениями: принять участие в проповедуемых господствующей партией попытках поднять уровень жизни населения России. В свободное от работы время И. Б. собирал материалы в бакинской библиотеке и, в конце концов, написал по-английски брошюру с изложением накопленных им за 7 лет впечатлений. Брошюра вовсе не была враждебна советскому строю — И. Б. во многом согласен с большевиками — все же не без критики, той самой критики, о которой трубят.

Свою брошюру И. Б. изготовил в 3 экземплярах. Один экземпляр он передал издательству, другой оставил себе, а третий вместе с сопроводительным письмом, содержавшем просьбу ответить на поставленные им вопросы, он отослал заказным „товарищу Сталину". Расписка сохранилась у него, один из немногих предметов, вывезенных им из России.

5-го апреля 1938 г. И. Б. отправил свою брошюру и письмо Сталину и стал ждать. Не получая долго ответа, он написал еще одно письмо по тому же адресу. Успех был тот же самый. Но вот 25-го мая к нему явились 2 агента ГПУ, велели собираться. И. Б. должен ехать с ними в Москву. Почему, зачем — они не об'яснили. К счастью, агенты явились как раз после получки, и И. Б. уехал не с пустыми руками из Баку. В Москве в ГПУ он узнал, что его высылают в Голландию, и что он должен немедленно купить билет до Амстердама. И. Б. запротестовал. В Америке высылают на казенный счет. Раз Россия хочет от него избавиться, то ГПУ должно дать ему денег на проезд. К тому же, получки, выданной в Баку, не хватит на такую далекую поездку. Никакие протесты не помогли. ГПУ порекомендовало ему продать кое-что из одежды и белья, чтобы раздобыть недостающие деньги на проезд. Пришлось подчиниться и растаться с самым необходимым. На границу И. Б. приехал совсем налегке, имея в кармане несколько десятков рублей — остаток от продажи вещей в Москве. Но не тут то было. Ему не разрешили взять с собой ни копейки. Попытки убедить пограничных агентов, что от русской границы до Амстердама не близко и что по дороге ему нужно есть и пить, не увенчались успехом. Без копейки в кармане, почти без пищи И. Б. вынужден был покинуть Россию после семилетнего пребывания в ней. Третий экземпляр брошюры — причина всех его злоключений — у него, кончено, тоже отобрали на границе.

(„Соц. Вестник", № 13—14, 30 Июля 1938 г.).

ИЩУ БРАТА

Василия Зиновича, который проживает в Северной Америке с 1912 г. Всех знающих прошу уведомить меня по следующему адресу: Максим Зинович, Calle Satustio № 3935, Maronas, Montevideo, Rep. O. del Uruguay.

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ В ИСПАНИИ

ПРОГРАММА, ПОЛОЖЕННАЯ В ОСНОВУ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. Р. С. — Н. К. Т.

(Окончание).

Торговля.

Обе организации пришли к соглашению о необходимости установить строгий контроль над внешней торговлей, как ввоза так и вывоза сырья и рентабельных продуктов. Контроль внешней торговли должен отвечать следующим условиям.

1) Трудящиеся должны быть надлежащим образом представлены в комерческих центрах, которые для этой цели и будут созданы под управлением Верховного Совета Экономии.

2) Доходы будут подчиняться общим правилам.

Рабочий контроль.

Комитет связи, считая, что Рабочий Контроль является одной из наиболее крупных побед трудящихся, полагает необходимым в данный момент издание закона о Рабочем Контроле в нашей стране, в целях установления прав и обязанностей трудящихся. Посему:

1) Правительство должно обнародовать закон о Рабочем Контроле, в котором будут указаны права рабочих: надзор за порядком и контроль в производстве, надзор за качеством, участие в администрации и прибылях, наблюдение за условиями труда и право на социальное обеспечение.

2) Контрольные органы будут избираться на демократических началах по прямому голосованию всеми трудящимися данного учреждения, фабрики или мастерской, устанавливая, таким образом, реальный рабоче-демократический порядок и гарантируя защиту интересов трудящихся.

Земледелие.

ВРС и НКТ **высказались за быструю национализацию земли,** которая перейдет в пользование, предпочтительно, коллективов и земледельческих кооперативов, находящихся в руках синдикатов, главным образом ВРС и НКТ. Уважая желание тех крестьян, которые предпочитают обрабатывать землю индивидуально, ВРС и НКТ будут проводить государственную политику поддержки коллективов, отдавая предпочтение уже существующим и особенно тем, которые организованы трудящимися земли, принадлежащими к ВРС и НКТ, или тем, которые добровольно организовались в коллективы в согласии с законом.

Мелкая земельная собственность единоличников будет уважаться, если ими будет доказано законное приобретение данного имущества.

Обе синдикальные организации будут защищать плоды победы, достигнутые трудящимися земли, и приложат усилия, дабы добиться увеличения производительности земли.

Для достижения вышесказанного необходимо:

а) Регламентация обработки земли, дабы частная эксплоатация не вредила коллективной.

б) Улучшение жизненного уровня землевладельцев, правильно расценивая продукты их производства в соответствии с ценами на товары ими потребляемые. Для достижения этого должна быть установлена нормировка цен.

в) Правительство должно облегчить крестьянам, (предпочтительно коллективам и кооперативам НКТ и ВСТ), приобретение машин, семян, удобрения и ссуд через Банк Национального Земледельческого Кредита, функционирование которого является необходимым.

г) Создание опытных ферм (земледельческая школа), минимум по одной в каждом уезде (комарке), в целях подготовки техников, механиков, организаторов и администраторов коллективов и кооперативов.

д) Проведение прогрессивной индустриализации земледелия.

Социальная политика.

ВРС и НКТ считают, что необходимо пересмотреть законодательство страны, дабы были признаны завоевания пролетариата и аннулированы законы, которые находятся в противоречии с ними.

1) Законодательство о страховании от несчастных случаев и о социальном обеспечении является неотложной необходимостью.

2) Требуется добиться принятия закона правительством о формах вознаграждения многосемейных.

3) Пересмотр всего гражданского, комерческого и т. д. сводов законов.

4) Оба синдиката добиваются выкупа национального богатства при помощи организованной экономии и оформлении выкупа юридически, дабы обеспечить полную независимость страны.

ВРС и НКТ готовы оказать всеми способами всяческую помощь в политике, экономике и в организации труда, которая окажется нужной для наискорейшего победоносного окончания войны.

Все органы, представляющие синдикаты, как официального характера, так и специально созданые для проведения в жизнь вышеуказанных задачь, должны

быть составлены из представителей обоих проф-об'единений пропорционально количеству членов каждой из них в данной отрасли.

Обе организации берут на себя обязательства, что, по окончанию борьбы с фашизмом, будет обеспечено испанскому народу, и в частности трудящемуся классу, полная свобода создать ту форму правительства, которая будет соответствовать понесенным жертвам и установит реальную демократию в нашей стране.

Национальный Комитет Связи неустанно будет следить за справедливым разрешением всех вопросов, связанных со свободой мысли, и наблюдать за недопущением несправедливости

Прибавочный параграф.

ВРС и НКТ, рассмотрев предложение о вхождении Национальной Конфедерации Труда в правительство пришли к заключению:

1) ВРС, который всегда считал, что он был представлен в правительстве Социалистической Партией, а в настоящее время Социалистической и Коммунистической партиями, считает, что вопрос о его представительстве в Правительстве Народного Фронта, состоящего из законно-существующих партий, окончательно разрешен.

2) ВРС заявляет, что, признавая положение НКТ отличающимся от своего, он не будет чинить препятствий для вхождения НКТ в правительство.

Обе организации в кратчайший срок обсудят вопрос о вхождении в Народный Фронт.

М. И. ЗАЙЦЕВ

(Некролог).

В Грейс госпитале 4 августа в 10 часов вечера кончилось существование М. И. Зайцева. Не жизнь, а именно существование, ибо последние годы тов. Зайцев жил только физически.

На долю покойного товарища выпало много горя в жизни; столько горя, что его хватило бы на дюжину людей. Зайцев — волжанин и унаследовал черты водившихся на Волге с незапамятных времен бунтарей; он был бунтарь по природе и он бунтовал в жизни и немало за это пострадал. Анархические взгляды покойного товарища не были устойчивы и он не раз переходил от анархо-коммунизма к крайнему штирнеровскому индивидуализму-эгоизму и обратно. В общем Зайцев был просто анархист-бунтарь и последовательный вегетерианец.

Покойный старался привить свои идеи детям, но не преуспел в этом благодаря тому, что среда оказалась сильнее его и что по характему он не был воспитателем. Эта неудача установила между ним и семьей некоторого рода разлад. Зайцев примкнул к движению в годы революции и был весьма активным работником. Одно время он даже занимал должность федеративного секретаря.

Во время палмеровских набегов Зайцев был арестован ,избит и предназначен к высылке. Только вмешательство Общества Защиты Гражданских Свобод приостановило его высылку и вернуло с Элис Айланда, где он сидел в ожидании депортации. Арест и тюрьма разорили его: выйдя на свободу, Зайцев очутился в самой крайней нищете. Нужно было начинать все снова. В 1933 году он вернулся в Детроит и поступил на работу к Форду.

Палмеровская дубинка не выбила из него анархического верования и он вновь примкнул к движению и с прежним пылом начал работать в нем, но, к сожалению, его деятельность быстро и неожиданно оборвалась. Работая на заводе, Зайцев надорвался. С этого момента его жизнь превратилась в непрерывный ряд страданий. В фордовском госпитале ему сделали неудачную операцию, он поднял дело, но, конечно, проиграл его: было бы удивительно, если бы он выиграл! Зайцев потерял работоспособность и вынужден был поддерживать свое существование продажей газет. Но вот 23 ноября 1930 года Зайцев, продавая газеты, попал в отель Бригс, как раз в момент его ограбления, которое сопровождалось перестрелкой. Зайцев попал под эту перестрелку и был ранен шестью пулями: правая рука была перебита в локте и левая нога в ступне. С этого момента покойный товарищ превратился в полного инвалида: не мог зарабатывать свой насущный хлеб даже продажей газет. Он поднял дело против города и требовал возмещение за потерянную трудоспособность в размере 10,000 долларов, а „отцы города" дали ему всего лишь 500 долларов.

Зайцев много читал, особенно по анархизму. Став инвалидом, он продолжал интересоваться движением и всегда старался быть в курсе его дел и помогать ему тем только мог. Особенно он зачитывался журналом „Дело Труда" и не пропускал ни одного его выпуска.

Где бы Зайцев не был, с кем бы не говорил он всегда пропогандировал свои верования. Пососедству с его домом нахо-

дится пожарная команда и покойный, взяв палочку, частенько ковылял к пожарным и заводил с ними речи об анархизме. И вот эти самые пожарные возложили на его гроб венок.

— „Он был хороший человек", грустно сказал один из пожарных, присутствовавший на похоронах.

Похороны этого „хорошего человека" были такие же скромные и бедные, как и земная жизнь покойного товарища.

Зайцев умер на 57 году жизни от операции. Переливание крови, которую дала его жена, не могла спасти измученный и изнуренный организм. Зайцев умер в тяжелых мучениях...

Одним борцом за светлое будущее, за анархическое общество стало меньше, но на смену уходящим грядет молодая, бодрая и смелая рать, которая вступит в бой с тем же врагом, против которого сражался ушедший товарищ, и, победив, построит тот великий храм свободы, братства и равенства, о котором мечтал Зайцев.

Ф. Коваленко.

РАЗМЫШЛЕНИЯ „БЫВШЕГО"...

УВАЖАЕМЫЙ ТОВ. СВОБОДИН!

Простите, что так долго не отвечал на ваше письмо и не поблагодарил за присылку трех номеров „Дела Труда", которые доставили мне большую радость. Вы пишете, что у Вас имеются записки Н. Махно в трех томах. Мне бы очень хотелось приобрести эти книги, так как я сам был недалеко от района, в котором оперировали махновцы во время гражданской войны. Сколько было клеветы на Махно и его движение, как со стороны белых, так и красных, что хотелось бы узнать правду.

Вы спрашиваете: есть ли здесь русские рабочие, которые могли бы заинтересоваться „ДТ"? Здесь довольно много русских и, как, вероятно, и у вас, они разделены на два лагеря: белый и красный. Большинство составляют белые эмигранты; красные находятся в руках различных сталинских организаций. Мне думается, что у многих из них поколебалась за последнее время вера в непогрешимость их вождей и они ждут только толчка, чтобы совсем порвать с этими мнимыми освободителями угнетенных. К сожалению, у меня нет с ними связей. Кроме этого, я, хотя это не моя вина, происхожу из бывших привилегированных классов и, поэтому, не могу быть на них в претензии, если они отнесутся с недоверием ко мне.

Я прочел с большим интересом вашу литературу и должен сказать, что завидую вам, анархистам. У вас, как мне кажется, несмотря на события последних двадцати лет, есть надежда на более лучшее, более свободное, более счастливое будущее человечества. Да, без этой надежды погибнет человек! А вот у меня этой надежды почти совсем нет. Может быть это потому, что я сравнительно долго жил под советским ярмом: я бежал из России в конце 1925 г. Трудно себе представить моральные результаты в стране „безвозвратно установленного социализма". Мне было двадцать лет, когда я бежал из Петрограда заграницу, так что я провел в СССР лучшие годы жизни: не могу вспомнить без ужаса этих лет! После моего бегства заграницу, я долго был ни к чему не пригодним, нравственно раздавленным человеком. Да, все русские, оставшиеся там, морально раздавлены не одним Сталиным, но и его предшественниками: Лениным и Троцким. Столько лжи, столько грязи, столько лицемерия и зверства и все это во имя лучших идеалов человечества! Не удивительно, что трудно стряхнуть этот кошмар.

Большинство людей, которые долго не жили в советском „раю", не могут понять психологического значения Московских процессов. А мне ясно: большинство подсудимых были морально раздавлены уже много лет тому назад: это — движущиеся, говорящие, плачущие трупы. Это вожди. А что же стало с простыми смертными? Латинские страны, в которых Инквизиция достигла чудовищных размеров, до сих пор не оправились от ее нравственных последствий. Сколько же веков понадобится, чтобы излечить Россию от последствий большевистской инквизици? Ведь она несравненно более свирепа и гаже средневековой...

Сначала я говорил себе: все, что произошло в России, не могло бы произойти в других более культурных странах; это была наша вина — вина привилегированных классов: мы слишком долго держались за наши привилегии и держали трудящиеся массы почти что в состоянии рабства. Но события последних двух лет отняли у меня эту соломинку. После того, что произошло в Испании, где кучка хорошо организованных коммунистов, правда с помощью сталинских агентов, захватила власть и убивает сотнями, предварительно оплевывая, истинных антифашистов-анархистов и крестьян Испании, сочувствующих не большевикам, а именно анархистам. А что же делается во Франции, которая должна бы быть оплотом революционного движения в Европе? Агенты того же Сталина убивают совершенно безнаказанно на улицах Парижа всех, кто смеет сказать правду о действительном положения в России.

Вы, вероятно, спросите: зачем я все это пишу Вам? Вот, видите, я тут совсем изолирован. Единственное существо, с которым я могу говорить и которое меня понимает — это моя жена. Но мы все это переговорили, не придя ни к какому заключению — вот и хочется поделиться мыслями.

С товарищеским приветом — **Владимиров.**

ТОВАРИЩИ!

Пора начать сбор средств на издание юбилейного БАКУНИНСКОГО номера „Дела Труда"

Исторический Отдел

(Материалы по истории русского анархического движения в Соед. Шт. и Канаде)

В сотом номере „Дела Труда", посвященном 25-ти летию нашего движения в Соед. Штатах и Канаде, история движения не освещена даже и в десятой доле.

Не освещен период газеты „Голос Труда" и о самой газете ничего не рассказано, не рассказана история газеты „Хлеб и Воля" и журналов: „Набат", „Колокол", „Рабочая Мысль", „Правда", „Волна", „Свободное Общество" и др.

Не описана история нашего движения многих городов и районов; ДАЖЕ НЕ ОСВЕЩЕНА ИСТОРИЯ НАШЕЙ СОБСТВЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

„Дело Труда", начав собирать материалы, не остановится и будет продолжать начатую работу пока не исчерпаются все источники. С этой целью в журнале введен ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ, в котором печатаются воспоминания участников движения, биографии его деятелей, исторические очерки, документы и справки.

Мы призываем всех, кто имеет что-либо рассказать о прошлом нашего движения, писать для исторического отдела. Статьи будут помещаться в порядке поступления.

В следующем номере пойдут статьи товарищей: И. Самусина и Д. Собко.

Обещали писать, и мы ждем, следующие товарищи: Загайгора, Березовский, Нью Йорк; Ф. Конасевич-Буковецкий, Канада; А. Ящук, Вотербури.

Кто еще? Не стесняйтесь, пишите! Редакция всегда готова помочь каждому. Пишите, исполните свой долг перед движением и историей!

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ЖУРНАЛА „ДЕЛО ТРУДА" И ФЕДЕРАЦИИ АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

Вскоре после переезда „Группы Русских Анархистов Заграницей" из Берлина в Париж, по инициативе этой группы начато было издание журнала „Дело Труда", номер 1-й которого вышел 20 июня 1925 г. Журнал выходил в Париже втечении 5 лет, до 55 номера включительно, и редактировался П. Аршиновым.

Вследствии распада группы, по причине тактических расхождений, и угрозы высылки из Франции Аршинова, которая повисла над ним в январе месяце 1930 года, продолжение издания „ДТ" во Франции стало весьма трудным и почти невозможным. Поэтому в 1930 году издание журнала было перенесено в Америку, в Чикаго, где журнал издается до сих пор. Таким образом, журнал перешел под полный контроль Федерации Анархо-Коммунистических Групп Соед. Штатов и Канады. Но и в Париже издание журнала зависило исключительно от Федерации, которая финансировала его почти с первого номера.

Направление журнала не было определенного характера, ибо члены „Группы Русских Анархистов Заграницей" не были по своим убеждениям только анархо-коммунистами, или только анархо-синдикалистами или только анархо-индивидуалистами: в группе были представлены все эти течения.

В группе состояли более или менее видные анархические деятели, сумевшие, тем или иным путем, скрыться заграницу от преследования большевистской власти, принимавшие активное участие в революции и знавшие досконально причины бессилия анархического движения направить революцию по анархическому руслу. Журнал имел подзаголовок: „Орган Рабочих Безвластников". С таким подзаголовком он выходил до 12 номера включительно.

С 13-го номера журнал стал выходить с новым подзаголовком: „Орган Русских Анархистов Коммунистов", т. е. журнал принял анархо-коммунистическое направление, которое остается неизменным и теперь. Принятие такого направления журналом об'ясняется тем обстоятельством, что за год пребывания группы в Париже из ее состава ушли или потеряли влияние те члены, которые имели иное, не анархо-коммунистическое убеждение, и что в группе остались анархо-коммунисты как, например, Махно и Аршинов, игравшие доминирующую роль в парижском издании журнала и, наконец, тем обстоятельством, что процесс анархо-коммунистического преобразования Федерации, финансировавшей журнал, находился в последней стадии своего завершения. В нашей Федерации в то время уже преобладали члены с определенно анархо-коммунистическими взглядами. С этим фактом парижской группе приходилось считаться, что она и делала.

В Париже журнал почти три года выходил только в 16-ть страниц, и редко в 20, и то не всегда регулярно, а с перебоями, раз в 2 месяца в соединении двух номеров. Причиной этому не мог быть недостаток в сотрудниках, так как постоянными сотрудниками были следующие товарищи: Махно, Аршинов, некоторое время Волин, Я. Валецкий, Я. Линский, покойная Мария Корн, Н. Мет, А. Черняков, Н. Лазаревич, Мрачный, А. Бородин, Л. Липоткин, Худолей и Хархардин. Единственная причина, которая не позволяла выпускать регулярно „ДТ" каждый месяц, это — отсутствие близкого источника черпания средств, хотя каждый выпуск обходился в два раза дешевле издания в Америке. Так как журнал издавался вдали от Федерации и не был под ее полным контролем, то это не могло вызвать у членов Федерации надлежащей отзывчивости и большого желания оказывать журналу соответствующую поддержку. Только с перенесением издания в Америку члены Федерации начали проявлять больший интерес к нему и поддерживать охотнее. Но, как выше было указано, издание здесь обходится в два раза дороже, чем в Париже, так что в этом отношении получился знак равенства.

Издание „ДТ" в Париже послужило, в известной мере толчком к более быстрому отходу многих товарищей от контрреволюционной „рассветовщины" и к созданию существующей ныне Федерации Анархо-Коммунистических Групп Соед. Штатов и Канады. Основание Федерации было положено в конце 1925 года членами Союза Российских Тружеников г. Нью Иорка при прямой поддержке товарищей из Бостона, Филадельфии и Штата Коннектикут.

Первая Конференция Федерации состоялась в Нью Иорке 1—2 января 1927 г., на которой были представители и из отдаленных городов: Юнгстауна, Акрона, Детроита, словом, на Конференции приняли участие восемь групп. На этой Конференции Федерация была окончательно оформлена организационно и идеологически: было принято название анархо-коммунистическое. И на этой же Конференции решено было считать „Дело Труда"... „своим идейным органом".

Конференцией была принята резолюция об отрицательном отношении к газете „Рассвет", резолюция призывала группы и отдельных товарищей „...вести неустанную борьбу против всякой попытки этой газеты говорить от имени анархизма". Вследствие этого борьба с „рассветовщиной", которая в то время уже причинила движению значительный организационный и идеологический вред, приняла организационный и коллективный характер. Кстати, отметим здесь, что Конференция, чтобы не допустить продажи двух наборных машин рассветовцами, использовала следующую выдержку из протокола Исполнительного Комитета 2-го Общеколониального С'езда: „Наборные машины — говорится в этом протоколе — должны находиться в распоряжении анархических организаций Америки до тех пор, пока эти организации продолжают здесь существовать. Если же эти организации когда либо переедут в Россию, то и машины должны быть перевезены туда для пользования тамошнего анархического движения". В общем эта Конференция определила первый этап оздаравления анархических рядов, охранения их революционных интересов и поставила вехи направления и роста движения.

Конференции Федерации происходили регулярно каждый год и уже на февральской Конференции 1929 года было выяснено, что в Федерацию входят 16-ть групп. По причине возникшего в 1929 году индустриального кризиса в Америке, рост Федерации значительно замедлился, но в идейном отношении членский состав значительно вырос, члены идеологически окрепли и прочно стоят на революционной анархо-коммунистической позиции. А это служит гарантией тому, что никакие неожиданности и случайности не смогут поколебать революционной анархической позиции Федерации и веры ее членов в прямую революционную борьбу трудящихся за свое освобождение.

В заключение этого краткого очерка следует еще указать, что именно благодаря создавшейся в членском составе Федерации прочной уверенности в правоту революционного анархического дела, Аршинову не удалось ни одного члена Федерации перетянуть на сторону большевиков. Нужно, конечно, отдать справедливость этому человеку и незаурядному организационному деятелю. Он еще в России, до и во время революции, проявил себя самоотверженным и бесстрашным борцом за идеалы анархии и безкорыстно работал для „Дела Труда" в Париже. И несправедливо поступит тот, кто бросит тень подозрения на Аршинова в этот период его революционной анархической деятельности. Аршинов начал проявлять уклон в сторону большевизма, когда журнал издавался уже в Америке и главным образом после появления в 1931 году в Париже Мясникова, лидера рабочей оппозиции, и после от'езда некоторых членов группы в Россию, начавших писать Аршинову хвалебные большевистскому режиму письма. Аршинов не раз напоминал в своей переписке с нами об этих подкупающих письмах, но не имел успеха. От этого метода воздействия на нас он перешел к более, как очевидно ему казалось, внушительно-

му методу: он прислал в 1932 году для напечатания в „Дело Труда" статью большевистского толка: „Анархизм и Диктатура труда". Статья была отвергнута и было указано Аршинову, что нам с ним не по пути больше. Аршинов, совершенно скомпрометировав себя в анархических рядах, весною, если не ошибаюсь, 1933 года уехал в Россию, а полтора года раньше этого туда уехала его жена с сыном. И кто знает, не усердствовал ли так Аршинов перед большевиками ради благополучия своей семьи?

И. Данилюк.

РУССКОЕ АНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПИТТСБУРГСКОМ РАЙОНЕ

Семнадцатилетним юношей я эмигрировал в Южную Америку, в Аргентину, где встретился с „потемкинцами", активными участниками восстания линейного корабля „Князь Потемкин". в 1909 году потемкинцы открыли в штате Мендоза русскую школу, в которой обучали нас, русских крестьян, общей и политической грамоте. Я посещал эту школу. Первый год нас обучали чтению и письму, а на второй стали знакомить с политическими вопросами, давали читать популярные политические брошюры. В этот год мы читали книгу „Коронованный Осел". После второго года школьного обучения нам стали раз'яснять, кто наши друзья и кто наши враги. Нас учили тактике борьбы с царизмом, которую мы должны применять, вернувшись в Россию.

Самыми деятельными нашими просветителями были следующие потемкинцы: Добровольский, Буркин, Совликаев, Худяев, Бибиков — сын князя, Баранов — сын помещика, и еще один товарищ, фамилию которого не могу припомнить, по прозвищу Черный — сын генерала, он получал от своего отца по 500 рублей в месяц на жизнь. Получаемые от отца деньги тов. Черный тратил на анархическую литературу, на школу, на пропаганду. Этих дорогих товарищей я никогда не забуду! Подучив нас грамоте и дав нам общие политические понятия, потемкинцы, параллельно со школьными занятиями, стали устраивать лекции против государства, власти, против капитализма. Дело с политическими лекциями обстояло великолепно, но когда потемкинцы приступили к чтению антирелигиозных лекций, то картина несколько изменилась. Товарищам потемкинцам пришлось приложить много усилий, чтобы доказать нам, что религия и социализм несовместимы. Нам же казалось, что религия и социализм вполне совместимы. Кроме того, нам было страшно потерять бога и нас мучил вопрос о грехах: как мы можем искупить свои грехи, если бога нет?

Натолкнувшись на наши религиозные предрассудки, потемкинцы не сложили рук, наоборот, с еще большей энергией стали бить в эту точку. Черный, как только получил от отца деньги, накупил антирелигиозных брошюр и книг и антирелигиозная пропаганда повелась усиленным темпом. К концу 1911 года, когда я уезжал из Агентины в Россию, из 638 человек только немногие, около 10%, продолжали упорствовать в своей религиозности, а остальные были твердо убеждены, что злейшим врагом рабочих и крестьян является святая троица: бог, власть и капитал.

***

В 1913 году я вторично покинул Россию и приехал в Соединенные Штаты. В это время, благодаря потемкинцам, я уже был политически вполне оформившимся человеком, поэтому, когда, в конце 1914 года, я встретил в Донора анархиста Ивана Малишевского, распространявшего газету „Голос Труда", я, работая в Донора, вступил в Союз Русских Рабочих г. Монессен и стал помогать Малишевскому распространять „Голос Труда".

Русская эмиграция в большинстве состояла из молодых людей от 18 до 30 лет. Жили русские скученно: по 10—15 человек на одной квартире, в качестве нахлебников у какой либо предприимчивой хозяйки. Свой досуг русские проводили в пьянстве, разврате, за картежной и биллиардной игрой. Других способов использования досуга они не знали, так как культурные потребности были очень низкие, а у некоторых и совсем отсутствовали. Это, конечно, не их вина и я не собираюсь их винить, но факт остается фактом. Благодаря этому было чрезвычайно трудно заинтересовать русских в Донора какой либо книгой или газетой. Читать книги и газеты большинством считалось просто неприличным и тот, кто это делал, подвергался оскорбительным насмешкам, его порицали и называли „святошей". Ясно, всякое предложение прочитать ту или иную брошюру, книгу или газету „Голос Труда" отвергались самым решительным и оскорбительным образом. Об'яснения и урезонивания вызывали издевательские насмешки и площадную ругань. Не приходится, поэтому, удивляться, что в такой среде донос не считался преступлением, так, например, в 1915 г. Иван Сергеенко донес на меня хозяину, что я разбрасывал на фабрике летучки, призывающие к организации в Донора Союза Русских Рабочих. Это только один пример из тысячи.

Не знаю почему и как это случилось,

но я имел среди русских в Донора некоторое моральное влияние, например, русских донорцев трудно было затащить на митинг в Монессен, они забивались в трактиры и кого бы не посылали к ним и как бы их не просили и не убеждали, они предпочитали оставаться в трактирах и играть на биллиордах. Когда же я приходил к ним, то они, как будто по уговору, оставляли кии, говоря: „ну, ребята, поедем"... Я доставлял их из Донора в Монессен, оплачивая их дорогу.

В 1916 г. нам, наконец, удалось организовать в Донора Союз Русских Рабочих. В Союз вступили: М. Бондаренко, Т. Крутохвостов, А. Солоп, Ф. Прищепа, Р. Батурский, Г. Чистяков, я и мой доносчик Иван Сергеенко, который оказался лучшим работником Союза, был его активным секретарем более года, проявляя неутомимую активность и, в конце концов, был выслан в 1921 г. в Россию вместе с Чистяковым.

Союз Русских Рабочих г. Донора приобрел симпатии и членский состав его неукоснительно рос: в 1919 г. в нем уже насчитывалось 306 членов.

Я не знаю, когда возник Союз Русских Рабочих в Монессен, но когда я вступил в него, в 1914 г., в нем уже было 34 члена; в 1917 г. его членский состав вырос до 160 человек, а в 1919 г. в нем уже было 404 человека. Между прочим, в монессенский Союз затесался и тайный полицейский агент, некий Янкевич, о котором речь впереди.

В 1917 г. мы, как все тогда, горели, кипели и жаждали деятельности: революция всех вдохновляла. И вот, мы решили приняться за живое дело: устроить лекцию о большевизме, но мы еще не имели связи с крупными городами, в частности с Питтсбургом, и не знали кого пригласить в качестве лектора. В Питтсбурге я знал Греча, который работал в русском отделении Шанбург банка, и я поехал к нему за советом. Он порекомендовал некоего Веремеенко, последний согласился и мы об'явили, что состоится бесплатная лекция о большевизме. В назначенное время явился Веремеенко в сопровождении Греча.

Зал был переполнен. Веремеенко начал свою лекцию здравицей: „да здравствует русский двух-главый орел!" Мы очень смутились, но во избежании скандала решили дать ему кончить. Веремеенко кричал, что Россия должна довести войну до победного конца, разгромить немцев, поддержать союзников и захватить Угроросcию. Вся его речь была ура-патриотической. Перед концом лекции Греч побежал к дверям и начал собирать деньги. Этого мы уже не могли выдержать и я встал и заявил: „лекция бесплатная, устроители против денежных сборов: прошу прекратить сбор." Таким образом, этим господам не удалось поживиться. В дальнейшем мы уже таких ошибок не имели и выписывали лекторов, которые обслуживали Союзы Русских Рабочих, например, Шнабель, Саша Черный, индустриалисты Федечко, Макарусь, Хомич и др.

В 1919 г. Союзы Русских Рабочих Монессен и Донора создали Организационный Комитет, в который из донорского союза вошли: Т. Волков, Сергеенко, Чистяков, Дроздов, Бондаренко, Крутохвостов, Батурский и Солоп. Из монессенского союза вошли: Ливинецкий, Горошков и еще семь человек, имен которых я не могу припомнить.

Деятельность Союзов и Комитета совершенно переделали русскую колонию: если раньше, чтобы разыскать нужного человека, нужно было идти в трактир, то теперь вы должны идти или в школу грамоты или в автомобильную школу; и теперь вас уже не встречали с насмешками и руганью, как это бывало 2—3 года тому назад, а вопросами о том как бы организовать Союз в других городах. Бывшие пьяницы и картежники пошли в школы и стали активными членами союзов.

Организационный Комитет пригласил из Питтсбурга Корбу, Белесту, Хандошку, Бройду и еще двух товарищей, имен которых я не помню, и совместно с ними созвал в Донора нечто вроде районной конференции, на которой присутствовали шахтеры из следующих городов: Федченко из Ван-Ворс, Киряненко из Бетлейвила, Пуришкевич из Эмсворта, Орлов из Кокбурга, представители из Галитона и Вебстера, а также итальянские шахтеры из шахт Мононгахела — шесть делегатов. Конференция выработала план организации союзов в 20 городах, расположенных вокруг Донора и Монессен.

После конференции работа закипела. Т. Волков и Белеста взяли на себя обязанность выступать с докладами, другие — подготовлять почву для этих докладов и организовывать их; в каждом городке должны быть созданы инициативные группы. Втечении двух месяцев была проделана огромная организационная работа. Батурский и я поехали в Гомстэд, где пошли по квартирам русских выходцев и в один день записали в союз 39 человек. Через пять дней устроили массовый митинг, на котором выступал Белеста. После митинга в Союз записалось еще 26 человек, а через четыре месяца в Гомстэдском союзе уже насчитывалось 227 членов. Батурский организовал бесплатную автомобильную школу, в которую записалось 20—30 человек.. Купили три старых автомобиля и по ним изучали автомобильный механизм.

В г. Браддоке мы также организовали инициативный комитет и устроили массовый митинг, на котором выступал Т. Волков. После митинга в союз записалось 16 человек, а через четыре месяца Союз г. Браддока имел в своих рядах 62 члена.

В г. Мак-Киз Рок Союз существовал но работа велась очень вяло; здесь работали два брата Жуковских. Чтобы оживить работу, Организационный Комитет послал в Мак-Киз Рок Батурского из Гомстэда, Ливинецкого из Монессен, А. Солопа и Ф. Прищепу из Донора. С их прибытием работа оживилась и союз начал расти: в короткое время членский состав перевалил за две сотни. Впоследствии вышеуказанные товарищи были арестованы на лекции Шнабеля, сидели в тюрьме и ожидали высылки в Россию, где они предполагали продолжать анархическую работу, но дело повернулось иначе: теперь Батурский и Солоп в рядах врагов анархизма — перешли к большевикам и покрывают все их преступления против народа и свободы.

Организационный Комитет создал Союз Русских Рабочих и в городе Корнеги, но как там велась работа, кто работал и сколько было членов в Союзе я не знаю.

В шахтерских городах самые сильные союзы были в Бентлейвилле, Эмсворте, Ван-Ворсе, а потом в Кокбурге, Чаншене, Мононгахеле, Галитоне и Вебстере. В этих союзах было много членов, которые состояли членами и Индустриальных Рабочих Мира, но работа велась в полной солидарности с анархистами: распространялась как анархическая так и индустриальная литература, материально поддерживался как „Голос Труженика", орган русских И. Р. М., так и анархические газеты, например, „Хлеб и Воля". В шахтерских городах было организовано в Союзы свыше 2,000 человек, а во всем питтсбургском районе около 6,000 человек.

В 1919 г. вспыхнула забастовка на сталелитейных заводах и Союзы Русских Рабочих приняли в ней самое активное участие. Союзы организовали „десятки", группы из 10 человек, которые держали пикеты, не допускали скэбов на фабрики, вели агитацию и поднимали боевой дух бастующих, принимали участие в схватках с полицией и с русскими козаками, конная хозяйская полиция, сформированная из русских белогвардейцев. В Донора было организовано 13 таких десятков, а в Манессен 27.

В Союзе Русских Рабочих г. Монессен, как потом оказалось, усердно работал член тайной полиции, провокатор Янкевич. Он был активным членом союза в Монессен и работал в других городах вокруг Питтсбурга. Он так хорошо заметал следы, что никто его не подозревал в сношении с полицией. Он обнаружил себя только тогда, когда явился во главе полиции на деловое собрание союза и арестовал 13 человек из 46 присутствовавших. Среди арестованных оказались самые активные члены: Ливинецкий, С. Барамирский, Горошков и др. Все арестованные были потом высланы в Россию в 1922 г. Сергеенко был арестован Янкевичем в поезде с двумя чемоданами литературы, а Чистяков и пишущий эти строки — на фабрике во время работы. Мой арест произошел 4 октября 1922 года.

Чистяков и Сергеенко на допросе открыто заявили себя анархистами. Переводчиком был Валентинчик, учитель школы Союза Русских Граждан г. Питтсбурга. Валентинчик советовал Чистякову и Сергеенко не подчеркивать резко свою анархичность и держаться на допросе менее вызывающе, но они об этом и слышать не хотели. Они были осуждены на год тюремного заключения в работном доме и к высылке в Россию по отбытии наказания. Я, наоборот, послушался Валентинчика и мы, тут же на допросе, обсуждали ответы, которые он переводил следователю. Вначале за меня требовали 10,000 дол. залогу, а через шесть недель согласились на 1000 дол. Залог за меня внес торговец Молоков, у которого работал член нашего союза С. Гуревич, который поручился за эти деньги перед Молоковым.

Выйдя из тюрьмы под залог, я направился в Питтсбург, где встретил Корбу, который сообщил мне, что для защиты Чистякова и Сергеенко нанят адвокат за 200 дол. Как долго эти товарищи находились в работном доме я не знаю, потому что спустя пять дней после моего выхода из Вашингтонской уездной тюрьмы (штат Пенсильвания), я был снова арестован и выпущен под залог в 500 дол. только после шестинедельного заключения. На этот раз залог был собран между товарищами г. Монессен, а 250 дол. адвокату я уплатил сам.

Выйдя из тюрьмы, я нашел полный разгром наших организаций; почти все товарищи были арестованы и я не знал кто и где были арестованы, но я уже не видел больше ни Белесту, ни Корбу, ни Бройду, ни Т. Волкона. Адвокат мне посоветовал оставить пределы штата Пенсильвании до окончания суда, что я и сделал. Через 4 месяца я получил письмо, что я свободен и что залог возвращен товарищам.

***

Кроме Янкевича в Союзах Русских Рабочих Питтсбургского района оказались и другие провокаторы и осведомители — Огородников и Вайс.

Огородников принадлежал к „Армии Спасения" (Соловейшон Арми), но считал

себя радикалом и терся среди союзовцев, главным образом в шахтерских городах, где он собирал деньги. Скоро было обнаружено, что он не только член „Армии Спасения", но и член охранного отделения. Огородников заметил, что отношения к нему резко изменились и, заподозрев что его раскрыли, внезапно куда-то исчез и больше не появлялся на нашем горизонте. Вайс был очень популярен в Питтсбургском районе, как выдающийся лектор; он был старым работником и проживал в Монессен. Во время арестов союзовцев, Вайс начал говорить, что полиция его не арестовывает потому, что боится. Это навело монессенских товарищей на подозрение и за ним была установлена слежка. Скоро было обнаружено, что Вайс дружит с полицией: катается с полицейскими на лодках, ездит с ними на рыбную ловлю и пр. Его стали остерегаться. А чтобы окончательно убедиться в его предательстве, решено было устроить митинг протеста против американской интервенции в русские дела и пригласить на этот митинг Вайса в качестве оратора. Вайс согласился выступить, но на митинг не явился и его заменил Сем Гуревич. Полиция, однако, не разрешила вести митинг на русском языке и пыталась арестовать Гуревича, но трехтысячная толпа подняла такой шум и пришла в такое возбуждение, что полиция отказалась от своего намерения и ограничилась обыском каждого при выходе. Когда зал опустел, то на полу были найдены два револьвера...

Провокаторы, шпионы и осведомители — большое зло во всяком движении. С этим злом С. Р. Р. несомненно скоро и легко справились бы, если бы не палмеровские погромы, которые дезорганизовали все движение. Эти погромы породили новое зло: появились стервятники в рядах разгромленного движения. Понимая, что движение обессилено и не в состоянии продолжать строгий финансовый и моральный контроль, некоторые доверенные лица стали присваивать общественные деньги. Так, например, Хондошков, когда многие были арестованы и еще большие скрывались от полиции, присвоил 500 дол. и уехал с ними в 1922 г. в Россию. Другой активный работник Союзов Питтсбурга, Парфоменко, будучи финансовым секретарем Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, присвоил 111 дол. и до сих пор не возвратил их движению.

**
*

В 1923 г. я переехал на жительство в Нью-Бриттен, штат Коннектикут. Там еще существовал Союз Русских Тружеников, но работа почти не велась. Деловые собрания Союза посещались слабо, не более 15 человек, а активно работали только трое. Русская колония погружалась в болото мещанства и торгашества; самогонка стала вытеснять все; — попы поднимали голову и церковь опять начала притягивать к себе темные души.

Славная эра Союзов Русских Рабочих приходила к концу.

А. Луференко.

Материалы к изучению русского анархического движения в С. Ш. и Канаде

V.
С'ЕЗДЫ И КОНФЕРЕНЦИИ.
(Продолжение)

4.
КОНФЕРЕНЦИИ ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ
(Федерация „Дела Труда")

Конференция Федерации 25 декабря 1929 г. На конференции присуствовало 10 делегатов, представлявших 7 русских групп и одну английскую — „Род ту Фридом"; от 8 групп поступили письменные решения. Резолюции напечатаны в „Дело Труда", № 56—57, май-июнь 1930 г. и отдельной листовкой.

Конференция Федерации 29—30 ноября 1930 г. На конференции были делегаты от 5 городов, от 7 поступили письменные решения. Резолюции изданы отдельной листовкой.

Конференция Федерации 11 октября 1931 г. состоялась в Нью Иорке. Количество делегатов и групп, принимавших участие в конференции, не указано. Конференция констатировала, что „в организационном отношении Федерация мало подвигалась вперед. Тяжелый зкономический кризис, отсутствие пропагандистской работы внутри Федерации, перебои в выходе журнала — привели к некоторму понижению активности со стороны отдельных групп". Резолюции изданы листовкой.

Районная Конференция, состоявшаяся 29 мая 1932 г. в Филадельфии, Па. В конференции принимали участия группы Нью Иорка, Филадельфии, Честера и Балтиморы. Резолюции напечатаны в „Дело Труда", № 72, июнь-август 1932 г.

Конференция Федерации 21 мая 1933 г. состоялась в Филадельфии. На конференции были представлены делегатами только Филадельфия и Балтимора: от 8-ми городов получены были письменные решения. Резолюции конференции напечатаны в „Дело Труда", № 76, май-сентябрь 1933 г. Это так называемая „конференция по почте".

Районная Конференция восточных штатов состоялась 13 мая 1934 г. в Филадельфии. На конференции присутствовали делегаты трех групп и от двух

были получены письменные решения. Резолюции напечатаны в „Дело Труда", №80, июнь-июль 1934 г.

Конференция Федерации 2—3 сентября 1934 г. состоялась в Чикаго. На конференции делегаты представляли 7 групп, от 10 групп и конференции штата Коннектикут были присланы письменные решения. Отчет и резолюции конференции напечатаны в „Дело Труда", № 82, октября-ноябрь 1934 г. Принципиальные резолюции были изданы на английском языке брошюрой „Наши Позиции" — "Our Position".

Конференция Русских Рабочих Организаций штата Коннектикут состоялась 9-го декабря 1934 г. в Гартфорде. На конференции присутствовало 8 делегатов от 5 городов штата. Резолюции напечатаны в „Дело Труда", № 84, январь-февраль 1935 г.

Конференция Федерации 25—27 декабря 1936 г. состоялась в Кливеланде. На конференции присутствовало 11 делегатов, представлявших 10 городов, от 8 городов поступили письменные решения. Отчет и резолюции конференции напечатаны в „Дело Труда", № 95 — январь-февраль 1937 г., № 96 — март-апрель 1937 г. и № 97 — май-июль 1937 г.

5.
КОНФЕРЕНЦИИ И С'ЕЗДЫ ГРУПП „ПРОБУЖДЕНИЯ".

В разные времена „пробужденческие" об'единения носили следующие названия и в такой последовательности: Федерация Руских Прогрессивных Организаций С. Ш. и Канады — Федерация Русских Рабочих Культурно-Просветительных организаций С. Ш. и Канады — Федерация Групп „Пробуждения" С. Ш. и Канады — Федерация Союзов Безвластников С. Ш. и Канады.

Конференция групп „Пробуждения и газеты „Рассвет" 2—3 июня 1927 г. (считаются две самостоятельных конференции: 2-го групп „Пробуждения", 3-го газеты „Рассвет", но в сущности это одна конференция, состоявшая почти из тех же самых представителей тех же самых организаций).

С'езд Русских Рабочих Культурно-Просветительных Организаций С. Ш. и Канады состоялся в Детроите 25 декабря 1929 г. Представительство не указано. Резолюция напечатана в „Пробуждении", № 12, май 1930 г.

Конференция групп и организаций, примыкающих к изданию журнала „Пробуждение", состоялась 24 и 26 декабря в Детроите. На конференции были представлены 6 городов. Эта конференция происходила одновременно со с'ездом: и с'езд и конференция состояли из тех же самых делегатов, поэтому нужно считать их за один с'езд или за одну конференцию. Разделение на с'езд и конференцию искусственное.

Конференция групп „Пробуждения" состоялась 31 декабря 1933 г. в Нью Йорке. На конференции были представлены 10 делегатами 4 группы, в настоящее время две из них распались; 8 групп и организаций прислали письменные решения.

Первый С'езд безвластнических групп Канады состоялся 1—2 октября 1932 г. в Торонто, Онт.

6.
КОНФЕРЕНЦИИ ПО ОБ'ЕДИНЕНИЮ „ДЕЛА ТРУДА" и „ПРОБУЖДЕНИЯ".

Первая Конефренция (Об'единенная) Районная Конференция групп „Дела Труда" и „Пробуждения" состоялась 2-го июня 1935 г. в Нью Иорке. На конференции присутствовало 11 делегатов, которые представляли 6 городов; от „Дела Труда" было 4 делегата, представлявших три группы; от „Пробуждения" 3 делегата, представлявших две группы. Три делегата от нейтральных групп и один общий от Филадельфии. Письменные решения были получены: от 6 групп „Дела Труда" и 2 организаций „Пробуждения". Конференция выбрала 9-ти членный Комитет по созыву об'единенного с'езда.

Конференция вынесла резолюцию о „Рассвете" такого содержания: „Принимая во внимание, что газета „Рассвет", созданная анархическими организациями, превратилась, к сожалению, в настоящее время в колониально-обывательскую газету, — мы считаем ее не анархической, как анархические организации, мы ничего общего с нею не имеем и не ответственны за ее содержание и направление: анархическими органами являются „Дело Труда" и „Пробуждение". (См. резолюции и отчет „Дело Труда" № 87, июль-август 1935 г.).

Вторая Районная конференция делотрудовцев и пробужденцев состоялась 19 апреля 1936 г. в Нью-Иорке. На конференции делегатами были представлены 3 группы „Дела Труда" 3 „Пробуждения" и 3 нейтральных. Письменные решения поступили: от 6 гурпп „Дела Труда", от 2 „Пробуждения" и от одной нейтральной. (Отчет и резолюции см. „Дело Труда", № 91, май-июнь 1936 г.).

Третья Районная Конференция групп „Дела Труда" и „Пробуждения" состоялась 25 апреля 1937 г. в Нью Иорке. На конференции делегатами были представлены 3 группы „Дела Труда" и одна „Пробуждения". Письменные решения поступили: от 5 групп „Дела Труда" и от одной (детроитской) группы „Пробуждения", высказавшейся против об'единения. (Отчеты и резолюции см. „Дело Труда" №97, май-июль 1937 г.).

VI.
АНАРХИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1.
ЛИТЕРАТУРА КНИЖНОГО СКЛАДА „ГОЛОСА ТРУДА" (1915 г.)

1. Зихфрид Нахт. Очерки по истории рабочего движения в Испании .... .12
2. Оргеиани. О рабочих союзах .... .12
3. Г. Лагардель. Революционный синдикализм .20
4. П. Кропоткин. Парижская Коммуна ...... .03
5. Его-же. К молодому поколению .... .05
6. Его-же. Русская революция и анархизм.... .14
7. Его-же. Государство—его роль в истории. .20
8. Л. Мишель. Коммуна .... .50
9. Журнал „Хлеб и Воля" № 2 .... .15
10. Вл. Забрежнев. Об индивидуалистическом адархизме .... .06
11. М. Корн. Борьба с капиталом и властью .. .06
12. М. Черкезов. Доктрины Марксизма........ .20
13. Изидин. Революционный синдикализм и анархизм .... .11
14. А. Кочегаров. Земельная программа А. К.. .07
15. Лисагарэ. История Коммуны 1871 г........ .65
16. Тун. История революционного движения. .85
17. К. Оргеиани. Об Интеллигенции .... .05

18. Эльцбахер. Анархизм 1.25
19. Ж. Грав. Будущее Общество .... .65

(Цени указаны с пересылкой).

2.

ИЗДАНИЯ СОЮЗОВ РУССКИХ РАБОЧИХ
(Период „Набата" Январь-Март 1918).

Письмо стриги (Лапидус) .... .02
Речь Эмиля Анри перед судом .... .03
В Кофейне, Э. Малатеста, 2-е изд. .... .10
Речь Софии Бардиной, 2-е изд. .... .02
Увещание штрайкбрехера .... .02
К молодым рабочим, А. Карелин .... .05
Речь Э. Реклю о русской революции .... .03
Религиозная язва, И. Мост .... .05
Биография Э. Реклю. .... .05
Сказка о войне .... .03
Сказка о солдатской душе .... .03
Политическая экономия, А. Карелин .... .65
Новое Евангелие, Бертолэ .... .08
Земельный вопрос А-К, А. Карелин .... .10
Парижская Коммуна, Ж. Герциг .... .05

ПОСТУПИЛИ В ПЕЧАТЬ:

Преступление Бога, С. Фор
Бог и Государство, М. Бакунин
Хлеб и Воля, П. Кропоткин
Из программы Синдикального Анархизма, Новомирский.

(Взято из „Набата" № 3, Март 1918 г.).

3.

КНИГИ, ИМЕВШИЕСЯ НА СКЛАДЕ „ХЛЕБ и ВОЛЯ"
(Февраль-Ноябрь 1919)

Ж. Грав. Будущее общество .... .75
С. Фор. Преступление Бога .... .10
М. Бакунин. Бог и Государство .... .30
Стенька Заяц. Как мужики остались без начальства .... .08
Ильин. Песни Пахаря .... .30
Малатеста. В. Кофейне .... .12
К. Ф. Гордеенко. Религиозные предрассудки .. .08
А. Карелин. Политическая экономия .... .50
Его-же. К вопросу о коммунизме .... .10
Индустриальная республика в Мексике.................... .03
Лапоть (Г. Максимов) Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и наше к ним отношение.................... .03
Новомирский. Манифест А. К.................... .10
Э. Реклю. Речь о Русской революции .... .03
П. Кропоткин. Нравственные начала анархизма .15
Кому служит Солдат .... .05
П. Кропоткин. Хлеб и Воля .... .75
Карелин. Так говорил Бакунин .... .06

ПОСТУПИЛИ В ПЕЧАТЬ:

Новомирский. Что такое Анархия?
П. Кропоткин. Взаимопомощь, как фактор эволюции.
Ж. Грав. Умирающее Общество и Анархия.
П. Кропоткин. Речи Бунтовщика.
Г. Макей. Анархисты.
Раевский. Анархо-Синдикализм и „Критический" Синдикализм.
Его-же. Современный Социализм.
Речь Матрены Присяжнюк.
Товарищ, не изменяй!
20 лет.

Литература на Украинском языке:

Лямбро. Происхождение Бога.
Бертолэ. Новое Евангелие.
Кропоткин. Лад.
Э. Реклю. Легализм и Анархизм.

(Окончание следует)

ПИСЬМА И ОТЧЕТЫ

БЛАГОДАРНОСТЬ.

Уважаемая редакция „ДТ", позвольте мне через ваш высокоуважаемый журнал выразить мою сердечную благодарность детроитской группе „Дело Труда" за пожертвование 11.00 дол. на похороны моего мужа. Особую благодарность приношу К. Сабодашу и Ф. Коваленко, которые, будучи членами похоронной комиссии, приложили много старания.

Глубокую благодарность приношу Кооперативному Обществу, которое пожертвовало на похороны моего мужа 20.00 дол., а также „россельским" друзьям, возложившим венок из живых цветов. Сердечная благодарность гражданам Крутелю, Громикову и Полекой, работавшим в комиссии по сбору денег на похороны моего мужа.

Благодаря сердечной отзывчивости вышеупомянутых организаций и личностей мой муж и ваш товарищ по идее не был похоронен в безымянной могиле городского кладбища.

Спасибо вам, добрые люди, спасибо...

С глубоким почтением и благодарностью

Скорбящая вдова **Нина Зайцева.**

Нью Гейвен, Конн. — Август 30. — Группа Русских Рабочих и итальянская группа г. Нью Гейвена, в целях устройства пикника, об'единились под именем „Друзья Испанских Лоялистов". Пикник имел место 28-го августа и прошел с моральным и материальным успехом. Публика откликнулась на призыв о помощи борцам против испанского и международного фашизма, как в Испании, так и здесь. Об этом широко было оповещено в печати. Согласно этому оповещению, устроители распределили доход между местными антифашистскими органами печати и лоялистским населением Испании. Пикник принес 283.75 валового дохода; расход по пикнику и лотереи равен 157,75; чистая прибыль — 126.00. Эта чистая прибыль распределена следующим образом: в пользу испанских лоялистов — 75.00, в фонд „Дела Труда" — 15.00, в фонд „Лядунаты" — 15.00, в фонд „Культура Пролетария" — 15.00, в фонд „Мен" — 6.00. Итого — 126.00.

От имени обоих групп Комитет по устройству пикника выражает сердечную благодарность всем посетителям пикника и всем тем, которые тем или другим путем оказали содействие успеху пикника.

По поручению групп **И. Кр——шей.**

Редакция „Дела Труда" извещает о получении 15.00 долларов и сердечно благодарит за них устроителей пикника.

Фраквиль, Па. — Уважаемые товарищи, посылаем вам 15 дол. в фонд „Дела Труда“.

С товарищеским приветом — **Три Шахтера**

Лос-Анжелос. — Июль 5, 1938. — Уважаемые товарищи, после продолжительной спячки и бездеятельности товарищи Лос Анжелеса, наконец, задумали приняться опять за анархическую работу. Недели две тому назад у нас состоялась вечеринка, которая дала 10 дол. доходу. Эти деньги мы и пересылаем в фонд „Дела Труда“. Товарищи изыскивают пути и методы оживления нашей деятельности и пропаганды наших идей.

С товарищеским приветом **А. Шваб.**

Детроит, — Август 19, 1938. — Дорогие товарищи, с этим письмом посылаю вам 10 дол., которые составились следующим образом: от продажи „ДТ“ № 102 — 5 дол., в фонд „ДТ“ от группы — 2.80 и от тов. Талана, Виндзор, за проданные №№ „Дела Труда“ — 2.20. Всего — 10.00.

С товарищеским приветом — **Ф. Коваленко.**

Ст.-Луис, Мо. и Медисон, Илл. — Июль, 1938.— Уважаемые товарищи, при сем письме прилагаем денежный перевод на 5.90. Эта сумма составилась следующим образом: от продажи № 100 „ДТ“ — 1.80, от продажи № 101 „ДТ“ — 1.60, добровольные пожертвования: М. Радивончик — 0.50, М. Х. — 2.00. Всего: 5.90.

С товарищеским приветом — **М. Хведченя.**

Филадельфия, Па. — Уважаемые товарищи, присем препровождаю денежный перевод на 25 дол. Эта сумма составилась так: от Трех Шахтеров г. Франквила — 15.00, и от Прогрессивного Землячества г. Филадельфии в фонд „ДТ“ 10 дол. Всего: 25.00 долларов.

С товарищеским приветом — **Е. Белопол.**

Монтевидео, Уругвай. По подписному листи № 1 собрано в пользу журнала „Дело Труда“ 38.34 уругвайских пез, которые равны 15.34 дол.

Жертвовали следующие товарищи: А. Лисица, Н. Шимчук, Я. Долин и Давид Елак по 5.00; А. Чичкан и С. Полуянов по 2.50; Е. Гайсенюк, И. Гоцко и Д. Самцов по 2.00; А. Черняков, Афанасий Гил, М. Зинович и Г. Цегельник по 1.00; С. Антонов, Н. Кисенко, С. Полуянов и Н. Поярков по 0.50; С. Капица, И. Кдалоков, Н. Н. и Бокуменко по 0.25; К. Колесников, И. Сенюта по 0.20. Всего: 38.40 пез.

Главный представитель и распространитель журнала „Дела Труда“ в Уругвае — **Давид Елак.**

По подписному листу № 1 собрано в пользу русского бюллетеня в Барселоне, Испания, 8.30 пез, которые равны 113.67 франц. франкам.

Жертвовали следующие товарищи: Я. Долин и Давид Елак по 2.00; Д. Самцов и С. Полуянов по 1.00; Х. Якимчук, Н. Шимчук и Х. Крапивницкий по 0.50; Н. Кисинев — 0.30; С. Капица и П. Юскевич по 0.25. Всего: 8.30 пез.

Представитель Бюллетеня в Уругвае **Давид Елак.**

Юнгстаун, О. — Август 11, 1938. — Уважаемые товарищи, прилагая при сем денежный перевод на 12.25, просим опубликовать отчет по пикникам.

ОТЧЕТ ПО ПИКНИКАМ.

Первый пикник состоялся 29 мая. Чистая прибыль от пикника равна 39 долларам. Эта сумма распределена следующим образом:

Испанским товарищам, сражающимся против фашистских банд — 15 дол.; в фонд газеты „Мен“ — 6 дол.; в фонд журнала „Вангард“ — 6 дол.; в фонд газеты „Челендж“ — 6 дол. Осталось в кассе группы — 10.00. Итого: 39.00.

Второй пикник состоялся 17 июля. Чистая прибыль от пикника равна 80 дол. Эта сумма распределена следующим образом:

Испанским товарищам, сражающимся против фашистских банд — 54 дол.; в фонд „Дела Труда“ — 4.00; в фонд „Культура Пролетариа“ — 4.00; в фонд „Мен“ — 4.00; в фонд „Лядуната“ — 4.00; осталось в кассе группы 10.00. Всего: 80.00.

В фонд „Дела Труда“ поступило 10.50. Жертвовали следующие товарищи: С. Кондрук — 1.00, К. Семенос — 0.50, Р. Кем — 1.00, П. Смит — 3.00, К. Субик — 1.00. От пикника — 4.00; За проданные журналы „ДТ“ — 1.75. Итого: 12.25.

С тов. приветом **Группа г. Юнгстауна, О.**

Нью Иорк. — Июль 19, 1938. — Уважаемые товарищи, посылаю на „Дело Труда“ 30 дол. 34 сен. Эта сумма составилась следующим образом: от Трех Шахтеров г. Фраквиля — 15.00 и от Группы Монтевидео, Уругвай, — 15.34. Итого: 30.34. В ближайшее время пришлем еще немного денег.

с товарищеским приветом — **И. Данилюк.**

Балтимора, Мд. — 14-го Сентября, 1938 г. — Уважаемые товарищи, посылаю денежный перевод на 5 долларов. Из них 4 дол. за 101 и 102-й номера журнала „ДТ.“, а один доллар жертвую на журнал. С товарищеским приветом — **Д. Собко.**

Отчет Редакционной Коллегии по изданию журнала „Дело Труда“

№ 102, ИЮНЬ — АВГУСТ 1938

ПРИХОД:

За проданные журналы поступило от групп и отдельных товарищей: И. Волкова, Нью-Гейвен — 3.00, Юнгстаун, группа, — 1.75; Ф. Коваленко, Детроит — 5.00, Талан, Виндзор, — 2.30; Ткачев, И Ревчук, (подписка) — 2.00. Всего: 18.95.

В фонд „Дела Труда“ поступило от групп и отдельных товарищей: Три Шахтера, Фраквил, — 15.00, Монтевидео, Уругвай — 15.34, Юнгстаун — 10.50, Прогрессивное Землячество, Филадельфия, — 10.00, Детроитская группа — 2.80. Всего: 53.64.

Общий приход: 67.59; Оставалось в кассе: 20.68; всего в кассе: 88.27.

РАСХОД:

Типография — 95.20, экспедиция — 8.50: всего: 103.70.

Всего в кассе: 88.27; Общий расход: 103.70; дефицит: 15.43.

20-го мая 1939 г. 125 лет со дня рождения М. А. Бакунина.

ЧИТАТЕЛЬ! ВСЕ-ЛИ ТЫ СДЕЛАЛ ДЛЯ ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ?